

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

МАРШ ЮНГ СТЕДТ

ДРУГОЕ ЛИЦО

Эта неотразимая жгучая красотка,
в душе которой царит тьма, уже
наметила очередную жертву...

Иностранный детектив

Мари Юнгстедт

Другое лицо

«Центрполиграф»

2016

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)

Юнгстедт М.

Другое лицо / М. Юнгстедт — «Центрполиграф»,
2016 — (Иностранный детектив)

ISBN 978-5-227-08525-2

Известный архитектор Хенрик Дальман, добропорядочный гражданин и отец большого семейства, найден мертвым в своем доме в курортном поселке Люгарн на шведском острове Готланд. Голым он был прикован к своей кровати и задушен. Сначала предположили, что имела место изощренная сексуальная игра, которая по неосторожности привела к смерти. Но следователь Андерс Кнутас и его помощница Карин Якобссон сразу в этом усомнились. И окончательно утвердились во мнении, что имело место убийство, после того как некоторое время спустя похожее преступление произошло на материке. История становится все более запутанной, ведь жертв ничто не объединяет, разве только неизвестная жгучая красotka, в чьей душе царит крошечная тьма. Собственное расследование громких убийств ведет и репортер Юхан Берг, который также попадает в смертельную ловушку.

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)

ISBN 978-5-227-08525-2

© Юнгстедт М., 2016
© Центрполиграф, 2016

Мари Юнгстедт

Другое лицо

© Mari Jungstedt 2016

«Другое лицо»

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2019

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2019

* * *

Андреасу и Катарине, за вашу дружбу, тепло и заботу

*Незваной гостьей, без стука
Придет ко мне смерти минута,
Принесет еловые ветви с собой,
Завесит зеркало бледной рукой.
Роз, положенных ею на мой последний наряд,
Я не почувствую аромат.
Незваной гостьей, без стука
Войдет ко мне смерти минута,
Застанет меня врасплох,
Примет последний вздох.*

Биргер Шёберг. Книга Фриды

Крошечный моноплан «Цессна-182», рассчитанный на четырех человек, дрожал так, что казалось, в любое мгновение может развалиться на множество частей. Пилот газовал неистово, стараясь поддерживать число оборотов двигателя, позволявшее сразу взмыть к небесам, и его страстное желание быстрее оторваться от земли пассажиры ощущали буквально каждой клеточкой тела. Они еще стояли в самом начале взлетно-посадочной полосы, и в ожидании команды на взлет пилот поглядывал на приборную панель, проверяя, все ли системы обеспечения жизнедеятельности самолета работают нормально. Шум мотора мешал разговаривать, и, если у пассажиров возникало желание обменяться с соседями парой слов, им приходилось кричать. Сиденья были сняты, и Кристер вместе с давним другом Петером сидели, подтянув к груди колени, прямо на полу. Парашютистка, которую Кристер никогда раньше не встречал, заняла место рядом с пилотом, спиной к приборам и носу самолета. Сами друзья, сгорбившись, примостились далеко в хвосте с парашютами за спиной. Они не виделись уже много лет. Петер неожиданно позвонил накануне вечером и сказал, что по воле случая оказался в Стокгольме. И предложил им вместе прыгнуть с парашютом, как в далеком прошлом. Он был настойчив и, как оказалось, даже уже зарезервировал время для этого в их старом авиаклубе.

Приехавшая к Кристеру на выходные шестнадцатилетняя дочь Сесилия не скрывала своего разочарования по поводу намерения отца пожертвовать субботой, которую они могли провести вместе, ради чего-то другого. Теперь ей пришлось отправиться в город за покупками с его новой подружкой. Но Кристер считал, что она вытерпит это. Просто невозможно сказать «нет», когда сто лет назад перебравшийся в США друг преподнес ему такой сюрприз. Вечер же он собирался провести вдвоем с Сесилией, посидеть в ресторане в Старом городе.

Двигатель ревел. Сидевшая напротив них женщина пока не произнесла ни слова, ей вполне хватало собственного общества, во всяком случае, такое складывалось впечатление. Она была по-настоящему красивой, миниатюрной и темноволосой, впечатление портила только кислая мина, с которой она тупо таращилась наружу через окно.

Кристер и Петер готовились прыгнуть вместе, как частенько делали в те времена, когда Петер жил в Швеции и они много времени проводили в клубе. Оба были опытными парашютистами и посвятили этому спорту почти двадцать лет. Шум мотора усилился, и Кристер догадался, что они вот-вот наберут три тысячи оборотов, необходимые для того, чтобы начать разбег. Машина дрожала и вибрировала, раскачивалась из стороны в сторону. Пилот наконец получил добро на взлет, еще добавил газу, и самолет тронулся с места. Четыреста метров по земле им удалось преодолеть за двадцать секунд. Самолет кренился все больше, и, когда наконец оторвался от земли, все почувствовали облегчение, даже несмотря на то, что из-за турбулентности тряска только усилилась. С набором высоты металлическая обшивка, казалось, не выдержит и рассыплется на множество осколков.

Самолет достиг высоты три тысячи метров через полминуты. И чем выше они поднимались, тем холоднее становилось. Дверь отсутствовала, ее заменял кусок ткани, свисавший сверху и закрепленный снизу текстильной липучкой. Ноги успели онеметь от неудобного положения. Кристер попытался переключить мысли на что-то другое с почти терявших чувствительность пальцев. Он подумал обо всех тех годах, когда они с Петером были друзьями, обо всем, что они делали вместе, и внезапно понял, как сильно ему не хватало друга.

Какое-то время самолет кружил над зоной выброски, в качестве которой пилот выбрал рощицу, видневшуюся далеко внизу на земле. Требовалось оказаться в нужном месте с учетом скорости ветра.

Наконец он показал им, что время пришло, и сидевшая далеко впереди парашютистка закатала вверх заменявшее дверь полотнище и шагнула наружу. Через минуту она была уже далеко. Кристер перебрался на сиденье рядом с летчиком, поймал взгляд Петера и сделал ему знак, что пора прыгать, посмотрел в окружающую самолет пустоту, сосчитал до трех и нырнул вниз. Петер сразу последовал за ним.

Им нужно было покинуть самолет одновременно, чтобы иметь одинаковую начальную скорость падения, поскольку они собирались спускаться вместе. Малейшее постороннее движение могло нарушить их планы, но им все удалось, и теперь они располагались лицом к лицу и держали друг друга за предплечья. А потом переместили захват к самой кисти и парили в воздухе, составляя единое целое. Постоянно поддерживали зрительный контакт. Сохраняли полную концентрацию. Майское небо синело над ними. Белые облака обещали хорошую погоду. Зелень деревьев, обычный мир, цивилизация оставались где-то далеко-далеко внизу. Они падали со скоростью двести километров в час и поэтому не могли позволить себе ни толики расслабления. Петер кивнул Кристеру, оба распрямили правое колено и согнули левый локоть, благодаря чему одновременно совершили полный поворот и вновь оказались друг напротив друга. Кристер видел, как Петер радостно улыбнулся, заканчивая маневр. Новый кивок – они раскинули руки в стороны, поджали колени, сделали сальто назад. И все это стремительно несясь вниз. Новая улыбка друг другу, когда их взгляды встретились.

Они успели выполнить еще один гимнастический элемент, прежде чем пришла пора раскрывать парашюты. Но сначала постарались удалиться друг от друга на достаточное расстояние, чтобы не столкнуться.

Кристер решительно потянул вытяжное кольцо. Никакого эффекта. Он повторил попытку. Снова ничего. Легкая паника охватила его. Он падал со скоростью двести километров в час, и в запасе у него осталось всего несколько секунд, пока не станет слишком поздно. Конечно, подобное случалось и раньше. Проблемы с главным куполом бывали, пусть это и считалось далеко не обычной ситуацией. На такой случай имелся запасной парашют. Кристер

быстро взглянул вверх. Довольно высоко над ним парил Петер, а далеко в стороне незнакомая женщина – оба с полностью раскрывшимися куполами. Что произошло с его собственным? Он же сам проверил снаряжение предыдущим вечером, если память ему не изменяла. Тогда все было о'кей. Он ничего не понимал. Ему следовало проверить все снова перед тем, как отправиться к самолету, этого требовали правила. Так ведь поступали все парашютисты. Но, увлекшись разговором с Петером, он не позаботился об этом. Кристер нащупал кольцо запасного парашюта. Дернул со всей силы. Никакого результата. Земля стремительно приближалась. Поля, роща, верхушки деревьев... Вдалеке виднелся ангар авиаклуба. Паника охватила его, на смену ей пришло отчаяние: слишком поздно!

Кристеру сдавило грудь, лишая возможности дышать. Знакомые лица мелькнули перед глазами: дочери Сесилии, его матери Анники, подружки Анки. Вся жизнь пролетела перед внутренним взором за несколько секунд. А потом его тело с глухим звуком ударилось о землю. Ему было всего сорок семь лет.

В глубине души я сознаю, что мое путешествие началось, я уже сделала первые шаги к гибели, в сторону вечной темноты. Достаточно одного взгляда на морщинки между бровями у меня на лбу, складки возле рта, стоит заметить тревогу в моих глазах, чтобы понять это. О том же говорят мои движения, в них появилось что-то механическое, делающее меня похожей на робота. И как ни прискорбно, нет пути назад.

Я сижу перед большим зеркалом в полном одиночестве. Все ушли, и я знаю, что никто не вернется сюда до самого утра. Еще недавно вокруг кипела жизнь. Суэта, смех, разговоры. Кто-то просто пылал от гнева, тогда как эмоции других ограничивались беспокойством. Парочка обнималась. Кто-то массировал плечи коллеги – медленно, старательно, поедая взглядом другого через отражение в зеркале. В воздухе постоянно витал запах эротики. Это раздражало меня.

Большинство уехали в город пить пиво. Я осталась, сославшись на необходимость доделывать работу. Да ведь так на самом деле все и было.

Когда все удалились, оставив меня в тишине и покое, я уже не могла больше прятаться от собственных мыслей. От себя не убежишь. У меня из головы не выходили строчки из стихотворения Биргера Шёберга: «Незваной гостьей, без стука придет ко мне смерти минута». Именно так.

Весь день шел прохладный июньский дождь, и воздух насквозь пропитался влагой. Каждый звук громким эхом отдается в пустых помещениях. Прекрасное место, чтобы обратить свой взор в прошлое. Эти толстые, построенные в Средние века стены многое успели повидать, они само напоминание о былых временах. «Ты не можешь забыть. Не должна».

Серый дневной свет все еще пробивается внутрь сквозь закрывающие окна жалюзи. Скоро лето полностью вступит в свои права. Снаружи светло. Но в душе моей царит крошечная тьма. Прошлое напомнило о себе.

Я достала все необходимое. Убираю волосы назад, надеваю плотно прилегающую шапочку, приклеиваю ее липкой лентой на всякий случай. Встречаю собственный взгляд в зеркале, он спокойный, целеустремленный. Беру кисточку и начинаю придавать лицу нужные черты. Оно медленно меняется. Глаза требуют больше всего времени, в дело идут темные тени, черная подводка, карандаш для бровей. В результате они получились в стиле Одри Хэпберн. Теперь мне нужны румяна и губная помада. Надо заняться ртом, его контуры должны стать идеальными. Я работаю спокойно, сосредоточенно. Методично. Прекрасно знаю, что требуется для полного преображения. И наконец, последний штрих. Я снимаю парик со стоящей на столе головы манекена и надеваю его на себя.

Я прекрасно осознаю, чем занимаюсь, но все равно не могу удержаться от вздоха восхищения, когда вижу собственное отражение в зеркале. Женщина, которая смотрит на меня оттуда, полностью соответствует моим чаяниям. Красивая, обворожительная, сексуальная.

Идеальная приманка для минуты смерти. И прежде всего, меня невозможно узнать. В данном обличье я никогда не видела себя раньше. И даже не могла представить себя такой.

Мое другое лицо.

Я должна сделать это, просто обязана. Можно смотреть на это как на миссию, задание. Пусть речь идет об убийстве. От осознания столь страшной истины волосы поднимаются на руках, и одновременно я чувствую приятный зуд предвкушения в животе. Этого момента я ждала всю мою жизнь. Нет, вру. Я ждала его с 4 мая 1998 года.

Именно тогда все началось.

Хенрик Дальман поднял глаза к потолку и почувствовал, как волна беспокойства пробежала по его телу. Какого черта его потянуло на приключения? Могло ведь получиться самое обычное воскресенье. Две старшие девочки ворвались в спальню вместе с собакой, и все трое запрыгнули на постель. Он сразу оказался в окружении смеющихся детей и все время пытавшегося его лизнуть лабрадора Лабана, безгранично радовавшегося их общению в большой двухспальной кровати хозяина и хозяйки. Судьба подарила ему трех дочерей. Младшей Инез, которую ему родила вторая жена, исполнилось всего два года. Эббу и Ангелику, соответственно двенадцати и десяти лет, он имел от бывшей супруги, и они жили у него каждую вторую неделю. Кроме того, у него была еще приемная дочь Беата, оставшаяся у бывшей жены от прежних отношений, но ей уже исполнилось двадцать, и она съехала из отчего дома. Девушка тяжело восприняла тот факт, что ее приемный отец так быстро обзавелся новой подружкой и та забеременела от него. Они почти не контактировали после его ухода из семьи. Сейчас она жила в Стокгольме.

Хенрик Дальман прекрасно понимал, что ему не стоило жаловаться на жизнь. Он был молодоженом и успешным художником с собственным бутиком и мастерской, а также большой, красивой каменной виллой в Висбю, где они сейчас находились и которой он владел наряду с летним домиком в Льюгарне.

Окна спальни смотрели на городскую стену и ботанический сад. Там все цвело в эту пору. Лето стояло на пороге, приближалась отпускная пора, и жизнь представлялась легкой и простой. Если, конечно, не усложнять ее себе тем или иным образом, чем Хенрик Дальман, собственно, и занимался. И не было пути назад.

Позабавившись какое-то время с девочками и собакой, он оставил их среди подушек и одеял, а сам направился в ванную. Аманда уже давно встала, и он мог слышать, как она гремела кастрюлями на кухне на первом этаже, подпевая лившейся из радиоприемника песне.

Окно стояло открытым, и громкое пение птиц почти полностью заглушало шум газонокосилки, работавшей где-то вдалеке. Он остановился на миг и бросил взгляд на свое отражение в зеркале. Оттуда на него смотрел хорошо сохранившийся мужчина сорока пяти лет с темными густыми волосами, карими глазами и щеками, заросшими привлекательной трехдневной щетиной. Он прикинул, стоит ли ему побриться или можно оставить все как есть. Но решил разобраться с этим вопросом позднее, а пока пошел в душ, вымыл волосы и тщательно намылился. Ему нравилось касаться руками своего крепкого, хорошо тренированного тела. Хенрик Дальман всегда заботился о собственной внешности. И все равно сейчас он находился, пожалуй, даже в лучшей форме, чем в двадцать лет. Он довольно улыбнулся самому себе в зеркале и, обернув толстую белую банную простыню вокруг бедер, спустился к Аманде на кухню.

Она стояла перед большими окнами у стола с серой каменной столешницей и резала дыню на мелкие дольки. Ее распущенные коричневые волосы локонами покрывали футболку на спине, а дополнявшие наряд шорты лишь слегка скрывали загорелые босые с идеально

покрашенными бледно-розовым лаком ногтями ноги, на которых отсутствовали какие-либо признаки варикозного расширения вен или целлюлита. Попадавший внутрь солнечный свет сформировал некое подобие нимба вокруг ее головы. Она была почти само совершенство. На полу на одеяле сидела малышка Инез и возилась с несколькими пластмассовыми крышками, которые получила от мамы в качестве игрушек. Он обнял Аманду сзади и поцеловал ее в затылок.

– Доброе утро, любимый, – сказала она нежно. – Я слышала, как вы веселились наверху.

– Да, – ответил он и втянул носом запах ее волос. – Они просто сумасшедшие, все трое.

– Тебе надо ехать?

Аманда повернулась и посмотрела на него большими темными глазами.

– Ничего не поделаешь, – сказал Хенрик. – Меня, конечно, никто не заставляет. Но лучше прокатиться и набросать пару эскизов сейчас, когда у меня масса идей в голове.

– Но так ведь будет продолжаться до самой осени?

– До середины августа, поэтому надо спешить. Они жаждут, чтобы я все закончил к фестивалю детективов Crime Time Gotland, ставшему весьма популярным. В этом году должна приехать тьма иностранных звезд, а значит, будет немало представителей прессы, и они хотят продемонстрировать мое творение.

Хенрик получил заказ создать скульптуру из бетона, которую планировали установить перед Альмедальской библиотекой с целью продемонстрировать, что остров Готланд является местом с богатой историей. Времени оставалось мало, задание он получил в последний момент, но не смог отказаться. Естественно, чтобы творить с полной отдачей, ему был необходим покой, а для этого идеально подходил летний домик в Льюгарне. Там он мог получить вдохновение и работать, не боясь, что его побеспокоят. Но не только этим он собирался заниматься в Льюгарне, о чем его жена, к счастью, даже не догадывалась. Он крепко обнял ее.

– Это всего на несколько дней. Потом приедете вы с Инез.

– Я знаю, но мне просто не терпится отправиться в дорогу. И Лабан наверняка мечтает о деревенской жизни.

Она толкнула мужа в грудь с наигранно недовольной миной.

– Подумай о том, какое чудо я создаю, – пошутил Хенрик и в театральном жесте раскинул руки в стороны. – Ты будешь гордиться мной.

Внезапно совесть напомнила ему о себе. На кой черт ему это, собственно, понадобилось? Может, он сошел с ума? Аманда ведь была самой красивой женщиной, какую он когда-либо знал, они имели замечательную дочь, и она стала фантастической приемной матерью для других его детей. Он любил ее.

В это мгновение он почувствовал вибрацию айфона в кармане. Специально ведь переключил его на беззвучный режим, на всякий случай.

– Я пройду с Лабаном, ему надо прогуляться.

– Замечательно, – сказала Аманда и улыбнулась. – А я тем временем позабочусь о завтраке.

Андерс Кнутас сидел на крыльце летнего домика в Ликерсхамне с чашкой кофе в руке и смотрел на сверкавшее в лучах заходящего солнца море. Пришла пора возвращаться домой. Карин была в лагере с женской футбольной командой, которую она тренировала, поэтому только котенок составлял ему компанию все выходные. Заморыш, найденный Карин в сарае пару месяцев назад, сильно вырос, округлился и превратился в маленького разбойника, который только и делал, что прыгал по участку и охотился на птиц. Пестрая шерстка кошки блестела на солнце. Он назвал ее Милагро, испанским словом, означавшим «чудо», поскольку она единственная выжила из своего помета. И ей действительно повезло, поскольку их мамаша по

какой-то причине бросила свое потомство, и все братья и сестры Милагро умерли от голода. Он проводил кошечку взглядом и улыбнулся, наблюдая за ее кульбитами в траве.

Кнутас не спешил домой. Он вполне мог подождать до следующего утра. Завернуть к себе на Бокстремгатан и оставить котенка, а потом поехать к зданию полиции. Последние недели в криминальном отделе царила тишина, что оказалось очень кстати после напряженной весны со сложным расследованием, где, помимо прочего, использовалось весьма необычное орудие убийства, а именно болторез. Кнутас вздрогнул, вспомнив о нем. Преступника поймали при драматических обстоятельствах, и вся история сильно задела и его, и Карин. Он сделал глоток кофе. Они с его ближайшей коллегой были вместе уже достаточно долго, и, если он правильно оценивал ситуацию, Карин, похоже, считала, что им пришла пора сделать следующий шаг в их отношениях и съехаться. Несколько раз за последнее время он слышал от нее намеки в таком духе. Конечно, она не говорила это открытым текстом, но он догадался, в чем состояло ее сокровенное желание. И вполне мог понять его, поскольку Карин жила одна всю свою взрослую жизнь и, пожалуй, страстно мечтала исправить ситуацию. Сам он не заморачивался данной мыслью. Прошло всего три года со времени расставания с Лине, а они прожили в браке более двадцати лет и имели двоих детей. Их взрослые близнецы Петра и Нильс уже покинули отчий дом, но в душе надеялись, что родители съедутся снова. И все будет как раньше. Нельзя сказать, что им не нравилась Карин, но мама всегда оставалась мамой. А папа – папой. И семья – семьей. Наверное, все получилось бы проще, если бы у них с Лине отношения складывались не лучшим образом. Если бы они постоянно ссорились, ходили дома с кислыми минами и там царила бы гнетущая атмосфера. Но такого же никогда не было, и, вероятно, для детей осталось загадкой, почему они разошлись. По правде говоря, он сам толком не мог ответить на вопрос, что в конечном счете привело к такому результату. Инициатива относительно развода исходила от Лине. И все произошло очень быстро. Без семейной терапии и подобной ерунды. Она просто собрала свои вещи и переехала в Копенгаген, где получила место акушерки в больнице при университете.

Взгляд Андерса упал на почтовый ящик, установленный на столбе у дороги. Его краски поблекли с годами. Он вспомнил, как Лине красила его, казалось, вечность назад, и улыбнулся, когда подумал о ней. Его рыжеволосая датская веснушчатая жена. Пышнотелая и веселая, получающая удовольствие от каждой минуты жизни. Ее громкий смех часто оглашал окрестности. Или, точнее говоря, его бывшая жена. Он почувствовал неприятное жжение в животе. Ему по-прежнему стоило труда думать о Лине в прошедшем времени. После развода она просто исчезла. Получила новую работу, встретила с новым мужчиной. Словно все, некогда связывавшее их, больше ничего не значило. Все годы, воспоминания, впечатавшиеся в его душу. Произошедшая метаморфоза давалась ему нелегко. Непросто привыкнуть к мысли, что он больше не будет просыпаться рядом с ней каждое утро. Что она далеко. И спит на чьей-то чужой руке.

Потом он и Карин начали встречаться, и у него появилась другая пища для размышлений. И время потекло дальше. Но Андерс по-прежнему чувствовал себя как в невесомости, еще не нашел свое место в новом мире. Дети учились на материке и жили собственной жизнью. Периодически они приезжали домой, но останавливались там зачастую всего на несколько дней, да и тогда главным образом встречались с друзьями. Он уже стал не столь важен для них. Ни для них, ни для Лине, судя по всему. А сам-то считал, что был для них всем. Раньше, когда они с Лине были женаты и жили вместе, все казалось таким естественным. Их связывали семейные узы, не существовавшие более. Они принадлежали прошлому.

Вокруг начали сгущаться сумерки. Кошка прекратила свою игру и, подойдя к нему, принялась тереться о ногу.

Он поднял Милагро и прижал к себе ее мягкое тело.

Хенрик Дальман пересекал остров Готланд, направляясь к своему летнему домику в Льюгарне. Всю дорогу его не оставляло странное ощущение, словно он движется навстречу неизвестной катастрофе. Одолеvalo беспокойство. Попрощавшись с Амандой, он сел в машину и выехал из гаража, то есть внешне все выглядело как обычно. Да и чему тут удивляться, он ведь собирался совершить заурядную поездку за город и поработать несколько дней. Однако в его душе боролись самые противоречивые эмоции, к предвкушению ожидавшего его удовольствия примешивалось предчувствие опасности. Ему было неуютно в закрытом салоне автомобиля.

Вечер выдался замечательным. Но, несмотря на очаровательные, только что развернувшиеся и сверкавшие в лучах предзакатного солнца березовые листочки, окаймлявшие дорогу цветники, золотистые поля с красными пятнами маков, светло-зеленые луга с пасшимися на них черно-белыми стадами овец, изумительные старинные каменные усадьбы, мимо которых он проезжал, таинственная тревога не покидала его. Сейчас все должно было случиться. То, чего он боялся и страстно жаждал. Он вдавил педаль газа, включил музыку на полную громкость, и готландские пейзажи замелькали по сторонам, потеряв четкие контуры, словно их окутала пелена тумана. Зато он ясно видел перед собой темные глаза, длинные ноги, черные волосы. Эффектная, волнующая и непредсказуемая, эта женщина совершенно не походила на Аманду.

Хенрик столкнулся с ней после работы в Мункшеларене пару недель назад и, очарованный ее вызывающей внешностью, угостил бокалом вина. Потом последовали пара мимолетных свиданий с осторожными ласками и череда сексуальных эсэмэсок, приведших к этой тайной встрече. Ее звали Селин, она приехала на Готланд с материка поработать на лето. Вот и все, что он знал о ней.

Дома Хенрик пытался вести себя как обычно, словно ничего не происходило. Во время их раннего воскресного ужина сидел и без аппетита ковырялся в еде, стараясь ничем не выдать себя, хотя его уже мучило чувство вины. Он механически собрал тарелки после трапезы, вымыл их на кухне. Избегал смотреть жене в глаза.

Сказал ей, что ему необходимо уехать на несколько дней. Сосредоточиться в тишине и покое на его последнем проекте, творении из бетона, которое собирались установить перед Альмедальской библиотекой. Он никогда прежде не создавал ничего столь грандиозного. Хотел побыть один и окунуться в работу с головой. Аманда отреагировала спокойно, даже если ей очень хотелось составить ему компанию. Она не видела ничего необычного в желании мужа отправиться ненадолго в их дом в Льюгарне и целиком отдаться творчеству.

В последние годы популярность Хенрика Дальмана неуклонно росла, и теперь он зарабатывал приличные деньги, пусть даже имел склонность избавляться от них столь же быстро, как они приходили к нему. Но, несмотря ни на что, у них хватило средств на покупку одного из самых шикарных домов в старой части Висбю. Они каждый год проводили отпуск за границей и владели летним домиком на самом берегу моря. Они имели все, вроде бы живи и радуйся, но Хенрику требовалось нечто большее. И он ничего не мог с собой поделать.

Хенрик не хотел изменять жене, но, увлекающийся по натуре, он порой позволял себе лишнее, даже прекрасно осознавая, сколь сильно будет уязвлена и рассержена Аманда, если узнает о его неверности. Опять же его тайная слабость сыграла роль. Он, конечно, немного стыдился ее, но кто не без греха. Ему нравилось связывание, но, когда он в самом начале их с Амандой отношений осторожно завел разговор на эту тему, она ответила категоричным «нет». Ее не интересовали в сексе никакие ролевые игры. В отличие от его случайной знакомой, которая сразу же продемонстрировала другое отношение. По крайней мере, если судить по их тайной переписке, в которой они быстро перешли к теме секса и обменялись различными фантазиями на сей счет. И он, естественно, не смог отказать себе в возможности проверить это на деле. При одной мысли о том, что произойдет вечером, у него резко ускорился пульс.

Он не упускал случая пофлиртовать, оказываясь один в городе. Красивых сексуальных женщин хватало, они просто кишели вокруг. И он не видел ничего плохого в том, чтобы приласкать одну из них время от времени. Исключительно ради тонуса. С целью чувствовать себя полным сил, привлекательным, убедиться, что еще пользуется спросом на рынке любовных утех. Однако пригласить постороннюю даму в семейный летний домик поздно вечером было совсем другое дело. Тем самым он переступал некую границу, и осознание этого мучило его. Хенрик упорно старался избавиться от неприятных мыслей. Новая знакомая разбудила в нем нечто особенное, она предложила ему возможность реализовать его сексуальные мечты. Он всегда мог пойти на попятную, размышлял Хенрик Дальман, ему вовсе не требовалось делать что-то вопреки собственной воле. Он же по большому счету был абсолютно доволен своей жизнью с Амандой, детьми. И одновременно понимал, что не остановится на достигнутом. Это не для такого, как он. Без сомнения, Хенрик никогда не чувствовал себя так хорошо, как с Амандой, ни с какой другой женщиной. Никогда ранее его жизнь не была такой спокойной, гармоничной и хорошо организованной. Столь свободной от скандалов и ссор. Конечно, у него всегда хватало забот и почти не оставалось времени на себя самого, но он привык к этому, и ему легко и радостно жилось с Амандой. Не так, как с бывшей женой Региной, с которой они постоянно бранились.

Почему же тогда он все равно решил рискнуть всем этим и пойти на поводу у своих низменных желаний? У него не находилось этому объяснения. Даже для себя самого. Он тщательно все подготовил, как бы повинувшись чужой воле. Словно не хотел видеть, что есть альтернатива.

* * *

Дорога была почти пустой, он мчался со значительным превышением допустимой скорости и только на подъезде к Льюгарну сбросил газ. Маленький прибрежный поселок продолжал жить в спокойном весеннем ритме. Туристский сезон еще не стартовал. Постоянно здесь проживали всего пара сотен семей. Хенрик каждое лето проводил в Льюгарне, он любил этот старый известный курорт, утопавший в зелени садов и застроенный главным образом хорошо сохранившимися деревянными виллами начала прошлого столетия с резными наличниками.

К северу от Льюгарна находилась исключительно красивая деревушка Витвер со старыми рыбацкими сараями, самые древние из которых, каменные с покрытыми дранкой крышами, стояли здесь с восемнадцатого столетия. В море прямо по соседству когда-то ловили салаку, лосось, камбалу и треску. Но сейчас большинство из оставшихся не у дел построек переделали под дачи. Сразу за деревней начинался протянувшийся на пятьсот с лишним метров вдоль берега природный заповедник Фольхаммар, знаменитый своими каменными столбами, отдельные из которых имели высоту более шести метров. Они с Амандой часто прогуливались там, когда только познакомились.

Далеко внизу у воды, на другой стороне Льюгарна, в самом конце дороги возвышалось его бунгало. Их соседи по Страндвеген явно находились дома. Его хороший друг Клаес со своим семейством жил в поселке постоянно. Хенрик предусмотрительно позвонил ему и предупредил о своем приезде, но посетовал, что ему придется потратить первый вечер на важные телефонные переговоры. Взамен он пообещал увидеться за обедом на следующий день, и все это с единственной целью исключить вероятность, что сосед заявится, заметив свет в окне.

Припарковавшись у своейвиллы, Хенрик Дальман вылез из машины и взглянул на часы. Они показывали чуть больше восьми. Его гостя обещала приехать в девять, и поэтому, не тратя времени даром, он достал из багажника пакеты с едой, купленной в тайском ресторане, когда отвозил старших девочек к их матери, и вином, которое втайне от Аманды взял из их кладовки в гараже, и поспешил в дом.

Едва он переступил порог, ему в глаза бросились детские резиновые сапоги, стоявшие в ряд на ковре в прихожей. На кухне на видных местах лежали книжки-раскраски и детали от конструктора лего. Ему следовало приехать раньше, чтобы убрать следы пребывания здесь семьи, и сейчас пришлось ограничиться полумерами. Он торопливо прошелся по дому, собрал игрушки и спрятал фотографии, свои и Аманды, а поскольку внутри было прохладно и достаточно сыро, ведь они не навещали сюда несколько недель, включил отопление и развел огонь в камине. Потом открыл бутылку красного вина и отправился в душ, где с особой тщательностью вымыл с мылом все тело. Затем побрызгался дезодорантом, надел чистые трусы и рубашку, привел в порядок волосы перед зеркалом. Он хотел выглядеть свежим, ведь его ждала встреча с красивой и ухоженной женщиной, которая, как он догадывался, к тому же была лет на десять моложе его. Хенрик отправился на кухню, часы показывали без четверти девять. Осталось пятнадцать минут. Он потянулся в шкаф за тарелками и понял, что не знает, где она живет. Могла ли она вообще пить вино? Вдруг тоже приедет на машине? Или собиралась ночевать здесь? Пожалуй, посчитала это само собой разумеющимся, когда он пригласил ее в Льюгарн так поздно вечером. Внезапно на него навалились сомнения. Он быстро окинул взглядом кухню. Разве могла посторонняя женщина сидеть и есть с ним при свечах за этим столом? Там, где его дети завтракали хлопьями с молоком? Разве она могла остаться на ночь и спать в его с Амандой кровати? Лежать на их простыне? Головой на подушке Аманды?

Он взял бокал и налил в него вина, сделал большой глоток. Подбросил еще дров в камин.

«Что я делаю?» – подумал он, глядя в окно.

От этих мыслей его оторвал звонок в дверь.

Карин Якобссон отложила в сторону телефон. Воскресенье подходило к концу, и она сидела в углу дивана у себя в квартире на Меллангатан с чашкой чая в руке. Два дня с футбольной командой прошли весело и плодотворно, но стоили ей немалых сил. Она только закончила разговор со своей дочерью Ханной, которая жила в Стокгольме. Они давно не виделись и сейчас решили, что Карин навестит свое чадо в ближайшие выходные. Девочка появилась на свет в результате изнасилования, когда Карин было только пятнадцать лет, и по настоянию своих родителей она отказалась от девочки сразу же после ее рождения. Ханну тотчас удочерили, она выросла в обеспеченной семье в Стокгольме, и только пару лет назад Карин набралась достаточно смелости, чтобы связаться с ней. Ее дочь получила приличное образование, сейчас работала инженером-строителем и жила вместе со своей подругой в большой квартире на Вольмар-Юксульсгатан, полученной в наследство от богатого дяди.

Карин и Ханна оказались удивительно похожими внешне: обе были небольшого роста, стройные, темноволосые и с пикантной щелью между передними зубами. Кроме того, выяснилось, что их интересы во многом совпадают, и поэтому общение обеим давалось легко. Карин была благодарна Ханне за то, что та вообще согласилась разговаривать со своей биологической матерью, так как считала пару фон Шверин, владевшую большой виллой в Юрскольме, своими настоящими родителями. Именно они заботились о ней все эти годы. Для Карин же речь шла об огромном пустом пространстве в душе, которое сейчас заполнилось.

Карин поднялась с дивана и посмотрела в окно. Пассажирский паром спешил из Стокгольма. Было еще достаточно светло, и Висбю предстал перед ней во всей красе. Вымошенные булыжником узкие улочки, змеившиеся с внутренней стороны окружавшей город высокой крепостной стены, украшенные лепниной средневековые фасады домов, купавшиеся в лучах солнечного света. И все это на фоне ярко-синего моря.

Карин стало интересно, что нынешнее лето принесет с собой. Сама она собиралась работать, они с Андерсом планировали съездить за границу осенью. Их первая совместная поездка. У нее потеплело на сердце при этой мысли. Она и ее шеф по работе в полиции уже несколько лет как перестали быть просто сослуживцами и друзьями, и она надеялась на углубление их

отношений. Мечтала, что они в конце концов съедутся. Однако старалась не форсировать события. Андерс ведь прожил в браке со своей женой более двадцати лет. А Карин не привыкла давить, во всяком случае, в вопросах любви. Сама она прожила в одиночестве почти все свои взрослые годы, если не считать нескольких коротких связей, и испытывала определенные трудности в общении с мужчинами. Пожалуй, все из-за того же изнасилования. Но с Андерсом она впервые в жизни чувствовала себя защищенной, словно за каменной стеной.

Ее взгляд упал на какаду Винцента, который дремал на жердочке в своей клетке.

«Он начал стареть, – подумала она. – Точно как я».

Карин получила попугая от одной подруги двадцать лет назад, и ему уже тогда перевалило за тридцать. Фактически они были почти ровесниками, Карин всего на год старше. Она подошла к клетке. Попугай посмотрел на нее, моргнул и зевнул, широко раскрыв свой черный клюв. Потом он сместился на несколько шагов в сторону, так что оказался ближе к ней, и прокричал: «Доброе утро!» Карин улыбнулась и открыла клетку. Вообще Винцент был очень умный, но не разбирался во времени суток. Карин обычно позволяла ему полетать по квартире. Порой ей приходилось отсутствовать целыми днями, и тогда ее мучили угрызения совести. Винцент не любил слишком долго оставаться один. К счастью, соседка частенько брала его к себе, правда, не выпускала из клетки. Будучи художницей, она имела мастерскую во дворе, где постоянно и торчала. Сейчас Винцент, воспользовавшись случаем, сразу вылетел наружу, сел Карин на плечо и принялся тереться о нее с довольным урчанием. Он был ласковый и любил близкое общение. Карин разговаривала с ним на пути в ванную. Он сел на душ и наблюдал за ней, пока она чистила зубы.

Перед тем как лечь, Карин прикинула, стоит ли позвонить Андерсу, но не стала этого делать. Знала ведь, что он собирался вернуться в город вечером, и не хотела его беспокоить. Забравшись в постель, она почувствовала, что соскучилась. О, если бы Андерс лежал рядом с ней каждую ночь. До конца дней. Она не могла представить себе ничего более приятного.

«Я люблю его», – подумала она. От этой мысли на душе у нее стало тепло и спокойно. В первый раз в жизни Карин по-настоящему любила мужчину. Она, не верившая, что такое вообще возможно.

Хенрик открыл дверь, и от неожиданности у него перехватило дыхание. Контраст между стройной гламурной женщиной в вызывающем наряде, на высоченных каблуках, с длинными черными волосами, кричащим макияжем и зеленым приусадебным участком с ухоженными кустами, цветочными клумбами, с поленницами оказался слишком резким. Ранее он видел ее только в полумраке нескольких баров Висбю. Стоять лицом к лицу с ней здесь, в Льюгарне, в свете вечернего солнца было совсем другое дело.

– Привет и добро пожаловать, – проямлил он и жестом предложил ей войти.

Она улыбнулась из-за своих больших солнечных очков с видом кинозвезды, и он сразу же почувствовал слабость в коленях.

Когда она сняла с себя короткую кожаную куртку с поясом на талии, его охватил восторг при виде ее гибкого тела. Она напоминала амазонку высоким ростом, прямыми плечами и мускулистыми, обтянутыми черным нейлоном ногами. На ней были красная блузка из тонкого шелка и короткая юбка. Чулки имели шов сзади. У Хенрика пересохло во рту, и он поспешил впереди своей гостьи на кухню налить ей бокал вина. Ему с трудом верилось, что такое существо могло оказаться в его убогом деревенском жилище.

– Как у тебя красиво, – сказала Селин и огляделась, не снимая ни туфли, ни очки.

«Она действительно шикарная», – подумал он.

На каблуках ее рост составлял почти метр восемьдесят, примерно столько же, как и у него самого.

– Дом простой, но место действительно фантастическое, и я люблю здесь работать. В тишине и покое, вдалеке от всего.

– Вдалеке от чего, например? – поинтересовалась она шаловливо.

– Ну... – протянул Хенрик и улыбнулся неуверенно. – Стрессов, людей...

– Людей? – переспросила она.

– Да, всех, кто окружает меня. Клиентов. Обязательств. Всех ожиданий...

– Я понимаю, – сказала Селин и улыбнулась.

У нее был низкий, грудной, слегка приглушенный голос. Она говорила на своеобразной смеси стокгольмского и готландского диалектов. Он не замечал этого раньше. Казалось, ее специфические черты усиливались в идиллической провинциальной обстановке. Слишком уж контрастировали с ней.

– Не хочешь посмотреть дом?

– С удовольствием, – ответила она и взяла бокал вина, который Хенрик протянул ей.

Он обратил внимание, что Селин не снимала сумку с плеча во время всей экскурсии. Она выглядела слегка настороженной за своими солнечными очками. И Хенрик сразу догадался, в чем причина. Естественно, ее одолевали сомнения, она пришла к незнакомому мужчине, с которым прежде встречалась всего несколько раз, и сейчас они вдвоем находились в его доме на краю света. Именно поэтому она не сняла туфли и очки. Явно оставляла себе возможность улизнуть сразу же, если только почувствует себя неудобно. Хенрик улыбнулся натужно, постарался придать лицу приветливое выражение. Хотел показать, что его не стоит опасаться.

Они сели за стол, и он налил себе и ей еще вина. Наконец Селин сняла очки, и он смог встретиться с ней взглядом. Ее темные глаза казались почти черными при свете свечей. Огонь, весело потрескивая, пожирал дрова в камине. Внешне все вроде бы напоминало по-домашнему спокойный приятный ужин, но это не соответствовало ощущениям Хенрика. Они явно обещали ему нечто увлекательное и опасное, словно он находился на пути в логово греха.

Он испытывал столь сильное сексуальное влечение к сидевшей напротив него женщине, что толком не мог есть. Она же истребляла дары тайской кухни с отменным аппетитом, время от времени жадно запивая их вином. Словно хотела как можно быстрее покончить с трапезой, чтобы они смогли заняться чем-то другим. Скоро пришло время наполнить бокалы снова. Хенрик поднялся и пошел на кухню принести новую бутылку вина. Его руки дрожали, когда он извлекал пробку. Аманда, дочери, искусство и все прочее ушло на второй план.

Разговор за едой получился непринужденным, хотя каждая фраза давалась Хенрику не без труда. Он рассказал о своей работе, ни словом не упомянув ни жену, ни детей. Даже предусмотрительно снял обручальное кольцо и спрятал в шкафчик в ванной. Надеялся, что Селин не заметила его при их предыдущих встречах. Хотя таких, как она, женщин подобное, пожалуй, заботит меньше всего. Наверное, ее в первую очередь интересовал классный секс. Точно как и его.

«Эта женщина, похоже, своего не упустит», – подумал Хенрик Дальман, сгорая от нетерпения.

Он переключил свой телефон на беззвучный режим и положил его на подоконник рядом с собой, пару раз он замечал, как телефон вибрировал, и понимал, что это звонит Аманда, которая всегда хотела пожелать ему спокойной ночи, если они спали в разных местах, но игнорировал его. Взамен делал новый глоток вина и снова обращал свой восхищенный взор на сексуальную женщину, составлявшую ему компанию. Сейчас он сидел здесь. И мог позволить себе такую вольность.

Когда они поели, Хенрик убрал тарелки, включил музыку едва слышно и поспешил в ванную. Встретился взглядом со своим отражением в зеркале. Он показался себе практически неотразимым.

«Теперь вперед, – подумал он. – Мы оба знаем, чего хотим».

Он был немного пьян от нескольких бокалов вина и торопливо вымыл руки, потом на всякий случай еще слегка побрызгал себя дезодорантом.

Вернувшись на кухню, Хенрик понял, что ему нет необходимости напрягаться. Селин отодвинула стул от стола, откинулась на спинку и, широко раскинув свои длинные ноги, смотрела ему прямо в глаза. Она начала медленно расстегивать блузку. Он уже видел черный бюстгальтер под ней. Юбку она высоко задрала, обнажив бедра до того места, где резинки соединялись с поясом для чулок.

– Я знаю, чего ты хочешь, – сказала она хрипло, поднялась и протянула к нему руки. – Ты еще не показал мне спальню.

Хенрик громко сглотнул комок в горле, прижал к себе Селин, страстно поцеловал. Ее губы были мягкими и теплыми, но язык твердым и игривым. Ему подумалось, что она, наверное, многое умела им делать. От поцелуя у него пошла кругом голова. Когда они покидали кухню, Селин потянулась за своей сумкой и пошла, покачивая бедрами, впереди него вверх по лестнице. Хенрик ласкал их, поднимаясь за ней на второй этаж, бедра оказались гладкими и упругими. Под тонкой юбкой угадывались контуры стрингов. Целуясь, они упали на кровать. Хенрик от возбуждения находился на грани обморока. Селин сунула руку в свою сумку, которую так до сих пор и не выпустила, и выловила оттуда металлический предмет, заблестевший, как только свет освещавших сад фонарей попал на него. У Хенрика участилось дыхание, когда он понял, что это такое.

– Хочешь поиграть? – прошептала она и рассмеялась, продолжая поцелуй.

Глупый вопрос. Конечно, он хотел.

Юхан провел рукой по волосам и огляделся. Повсюду вдоль стен стояли коробки, дорожные сумки и мешки с различным содержимым, а среди них бегали дети и играли с собакой. Часы показывали одиннадцать вечера, и детям давно следовало спать. Ранее в этот же день они все с вещами прибыли из Стокгольма, где попробовали жить какое-то время. В глубине души Юхан надеялся, что они навсегда останутся на материке, но Эмма так и не прижилась там, и младшие дети тоже. Она страстно хотела вернуться на Готланд, в их старый каменный дом в Руме, и очень скучала по своей церковной школе, где работала учителем и где ей удалось договориться об отпуске без содержания в связи с отъездом. Эмма также очень скучала по своим родителям и многочисленным знакомым. Он сам, однако, пока не обзавелся большим числом друзей на острове, хотя и прожил здесь с Эммой несколько лет. И вовсе не из-за необщительности, просто работа и семья занимали слишком много времени. Он трудился в маленькой региональной редакции, где его в принципе все устраивало, и прежде всего самостоятельность, которую он там имел. Но также ему нравилось работать с оператором Пией Лильей. На большой земле он отслеживал события в столице для региональных новостей, а не для Готланда, и это было интересно со многих сторон. Но в огромном здании телекомпании в Стокгольме хватало других репортеров, и он стал там лишь одним из многих. Не то что на старой работе, куда возвращался сейчас и где обладал гораздо большей свободой действий, пусть подход к подаче материала здесь сильно отличался от столичного, да и ярких событий, естественно, происходило далеко не так много.

Юхан мог приступить к делу уже на следующий день, и это его очень устраивало. Хотя, конечно, немного мучили угрызения совести, ведь он тем самым перекладывал все хлопоты, связанные с переездом, а именно разбор вещей и наведение порядка в доме, на плечи детей, жены, ее родителей и лучших друзей. Эмме же предстояло отдыхать почти все лето. Учебный год начинался только в августе.

Практически все знакомые предложили им свою помощь во всевозможных бытовых делах – они искренне радовались, что он и Эмма вернулись на Готланд. На все вечера следу-

ющей недели они уже получили приглашения на ужин к различным друзьям, поэтому им не требовалось думать о еде, пока их жизнь не войдет в привычную колею. От такого отношения становилось теплее на душе, оно придавало возвращению приятный оттенок. И конечно, ему нравилось на Готланде, хотя жизнь здесь была не столь интересной и насыщенной событиями, как в Стокгольме.

– Может, положим детей спать? Я уже постелила.

Эмма появилась в дверном проеме. Она широко зевнула и окинула усталым взглядом царивший в гостиной беспорядок.

– Да, конечно. А потом мы, пожалуй, сможем посидеть на веранде и выпить по бутылочке пива.

– Естественно. Это именно то, что мне надо. А почему не по две?

В белой тунике и потертых джинсах, с рассыпавшимися по плечам светло-русыми волосами, Эмма выглядела невероятно красивой. Он не мог отвести взгляда от ее блестящих, немного раскосых карих глаз.

Некоторое время спустя они сидели в саду каждый со своей бутылкой пива в руке, наслаждались тишиной и вдыхали запахи начала лета.

– Просто не верится, что мы снова здесь, – вздохнула Эмма. – Душа поет от счастья. Как хорошо, что мы не продали дом.

Для их квартиросъемщиков стало крайне неприятным сюрпризом, когда Юхан весной связался с ними и предупредил о том, что они планируют вернуться и поэтому вынуждены разорвать контракт. Поселившееся здесь семейство с детьми, вероятно, надеялось остаться и постепенно выкупить красивую старую виллу.

– Конечно, – согласился Юхан и сделал глоток холодного пива. – Теперь осталось привести все в порядок, но у нас ведь целое лето впереди.

– И ты завтра выходишь на работу. Какие ощущения?

– Самые лучшие. Будет приятно снова встретиться с Пией. Хотя вряд ли сразу придется вкалывать засучив рукава. Наверняка сейчас царит полный штиль, ведь до начала сезона осталась еще неделя.

– Тем лучше, любимый. Ты сможет пораньше приходить домой и помогать.

Эмма послала ему воздушный поцелуй и улыбнулась.

Они взяли собаку с собой на вечернюю прогулку. Дом их располагался около школы и спортивной площадки. Ухоженные сады, чистые улочки и тишина, которой не отличался Стокгольм, – вот в принципе и все, чем могла похвастаться Рума. Если, конечно, не считать старую, довольно давно закрытую сахарную фабрику в одном ее конце и двух основных достопримечательностей маленького курортного поселка: расположенных в другом конце развалин средневекового монастыря и местного театра, каждое лето показывавшего в этих естественных декорациях пьесы Шекспира.

Юхан, пожалуй, не считал Руму самым интересным местом на земле, но в ней жила Эмма с детьми, когда они встретились, к тому же родившаяся и выросшая здесь. По части быта у них все устроилось, и сейчас ему осталось только в душе признать Готланд своим настоящим домом. Он потянулся к руке Эммы и подумал, что с этим в конечном счете тоже не возникнет проблем.

Воздух в комнате замер, словно пораженный случившимся. Сексуальное возбуждение, страсть, испуг, ужас, паника, кровь и, наконец, боль, скоростная смерть – все составляющие произошедшего здесь страшного события, кажется, каким-то образом оставили в нем свой след. А сейчас наступило затишье после бури.

Я охотно проветрила бы помещение, но не осмеливаюсь открыть окно. Тело болит, руки ноют. Еще совсем недавно мы боролись подобно двум сражающимся медведям. И сначала

он казался сильнее, в какой-то момент я даже начала сомневаться в успехе. Теперь он лежит передо мной, не представляющий больше никакой опасности. Неподвижный. Тело в неестественной позе, голова покоится на подушке, глаза таращатся в потолок. Рот слегка приоткрыт, словно от удивления, поскольку вечер закончился совсем не так, как он предполагал. Язык немного свисает наружу, отчего лицо выглядит очень глупо. Столь вожаденного сексуального экстаза, до которого в его понятии оставалось рукой подать, не получилось. Осознание этого я с удовлетворением прочитала в его глазах после того, как окончательно затянула веревку, обернутую мной вокруг его шеи несколькими минутами ранее. Я стягивала ее постепенно. Делая перерывы, когда била его хлыстом, сперва осторожно, потом все большее. Мне доставляло удовольствие слышать, как он стонал. Видеть, как задыхался. Подмечать панику в его глазах. Он получил то, чего заслужил. Я чувствую, как спокойствие заполняет мою душу, когда я сижу на краю кровати и смотрю на его еще по-зимнему бледное беззащитное тело. Бездушную оболочку того, кто еще недавно считал себя ловким обольстителем.

Мой взгляд падает на цветастые занавески, обрамляющие белоснежный тюль. Контраст с только что случившимся в комнате просто огромен.

Спальня уютная, в ней все сделано с любовью.

Но любовь лежащий в кровати мужчина уже не сможет испытать снова. Затянутая вокруг его шеи петля перекрыла поступление крови, а с ней и кислорода к мозгу. Он надеялся искупаться в море блаженства, но эрекция мгновенно прекратилась, когда до него дошло, что я и не планировала подарить ему сексуальное наслаждение.

Я не могу сдержать довольную улыбку, фактически горжусь собой. Дрожь пробегает по телу. Странное возникает ощущение, когда ты всаживаешь ногти в беззащитное тело другого человека. Бьешь по нему хлыстом и видишь, как на нем остаются глубокие красные полосы. Слышишь наполненные страхом крики. Когда я начала, ничто уже не остановило бы меня. Вот и пришла она, смерти минута. Его жизнь закончилась в этот восхитительный июньский вечер.

В домах по соседству она течет своим чередом. Никто не заметил драмы, разыгравшейся в стоящей у самой воды уютной вилле. Я бросаю взгляд на часы. Четверть двенадцатого. Большинство уже легло в постель, чтобы утром встретить новый день. Лежащий передо мной мужчина, однако, больше никогда не откроет глаза. Он сам поспособствовал столь бесславному концу. Должен себя винить.

Внезапно усталость наваливается на меня. Тяжесть в суставах. Я понимаю, что пора уходить.

Но также знаю, что это вовсе не конец. А только начало.

Клаес Хольм наклонился вперед и через окно на кухне бросил взгляд на соседский дом. Там вчера допоздна горел свет. Хенрик оказался настоящим трудоголиком и долго работал. Хольм прихватил с собой телефон и бумажник и, выйдя наружу, запер входную дверь. На крыльце он остановился на мгновение и посмотрел на море. Черные бакланы сидели на утесах, некоторые с расправленными крыльями, сушили их после купания в еще довольно прохладной воде в охоте за рыбой. Чайки с криками кружились на низкой высоте над сверкающими на солнце волнами, и несколько детей играли с собакой на берегу вдалеке. Лето настойчиво вступало в свои права, и воздух был наполнен радостным ожиданием. Нечто подобное испытывал и он сам в предвкушении долгого обеда с одним из своих лучших друзей в ресторане Бруна Дёррера, недавно открывшемся в связи с началом туристического сезона. Они с Хенриком по-настоящему сблизились за последние годы, и он с нетерпением ждал лета, когда его друг с семейством большей частью находился в Льюгарне. Ему очень не хватало его зимой. Несмотря на то что Льюгарн и Висбю разделяло всего несколько десятков километров, они тогда редко встречались. Оба много работали и имели семьи, и у них хватало собственных забот. Сейчас же они могли наверстать упущенное. Хенрик принадлежал к тем людям, с кем Клаес мог гово-

рять откровенно. Отношения Клаеса с его женой Хеленой складывались не лучшим образом в последнее время. Ему требовались советы и поддержка хорошего друга.

Как только он зашел на соседский участок, странное беспокойство охватило его. Машина стояла припаркованная снаружи у забора, но дом все равно выглядел пустым. Хенрик был активным человеком и обычно вставал рано, приезжая сюда, отпирал сараи, опорожнял бочки с водой, носил внутрь дрова, развешивал на смотревшем в сторону моря балконе постельное белье для проветривания. Одно окно у него зачастую оставалось открытым, и из него на улицу лилась классическая музыка. Клаес поднялся на веранду и позвонил в звонок входной двери. Никто не открыл. Может, Хенрик вышел на прогулку и, увлекшись, забыл обо всем на свете? Они договаривались, что Клаес зайдет к нему в двенадцать. Он бросил взгляд на часы. Они показывали пять минут первого. Хенрик всегда отличался точностью, был чуть ли не педантом относительно времени. Нет, что-то здесь не сходилось.

Он заглянул в кухонное окно, однако не обнаружил ничего странного. Ничего вызывающего беспокойства, все выглядело как обычно. Клаес задумался на мгновение, а потом, следуя пришедшей в голову мысли, спустился с крыльца и, подойдя к баку для мусора, поднял его крышку. Ему в нос ударил запах тайской еды. Там лежала двухпорционная картонная коробка из ресторана в Висбю. Ага, Хенрику кто-то составлял компанию. Он ничего не говорил об этом. Значит, хотел сохранить в секрете. Женщина? Клаес улыбнулся. Проказник. Вот почему Хенрик забыл об их договоренности пообедать вместе. Он попробовал позвонить ему на мобильник. Никакого ответа. Ну-ну. Если он не ошибся в своей догадке, такой поворот событий не вызывал особого удивления. Клаес покачал головой и направился назад к себе. Они могли увидеться позднее, и тогда он хотел услышать обо всем случившемся со времени их последней встречи. У Хенрика кто-то появился? Насколько это серьезно?

Через пару часов у него зазвонил телефон. Это оказалась жена соседа Аманда.

После обычных фраз вежливости она спросила:

– Ты видел Хенрика сегодня?

– Нет, не видел, – ответил Клаес. А что он еще мог сказать?

– И вчера тоже?

– Нет. Он же приехал сюда только вечером.

Клаес подошел к окну и посмотрел в сторону дома семейства Дальман. Машина по-прежнему стояла перед забором, но он не обнаружил в той стороне никаких признаков жизни.

– А что случилось?

– Я не знаю. Просто все так странно. Он уехал из дома вчера около семи, хотел поработать в тишине несколько дней, пока я и Инез не приедем в выходные.

– Да?

Клаес ничего не сказал о том, что он и Хенрик собирались пообедать вместе. Не хотел добавлять женщине беспокойства.

– Я звонила вчера несколько раз, никакого ответа. И сегодня тоже. Я уже начинаю волноваться. Ты не мог бы посмотреть, машина стоит на обычном месте?

– Да, стоит.

– Какие-то окна открыты? Похоже, что он там?

– Нет, – ответил Клаес, помедлив. – Насколько я могу судить, во всяком случае. И никого нет на участке.

– Все это выглядит очень странно, – продолжила Аманда с нотками беспокойства в голосе. – Ты не мог бы сходить туда и позвонить в дверь? А если он не ответит, взять ваш ключ и открыть? Хелена дома?

– Нет, она пробудет в городе весь день. Я один.

– И все-таки сходи, пожалуйста. И если найдешь его, попроси позвонить мне, а если нет, позвони сам.

– Да, само собой. Я сделаю это.

Когда они закончили разговор, Клаесу стало немного не по себе. Стоило ли ему вламываться в соседний дом и беспокоить Хенрика, если тот развлекался там с любовницей? Такая перспектива его нисколько не привлекала. Он набрал номер Хенрика снова. Никакого ответа. Эсэмэской сообщил, что собирается заявиться через пару минут, в надежде, по крайней мере, предупредить друга. Потом достал из ящика соседский запасной ключ и покинул свой дом. Ему не нравилось идти на чужой участок и шпионить. При этом он понимал беспокойство Аманды.

Во второй раз за день Клаес поднялся на веранду и нажал на дверной звонок. Подождал. Никакого ответа. Он позвонил снова, на сей раз дольше. По-прежнему никакой реакции. Клаес приложил ухо к двери и прислушался. Его слух не уловил никаких звуков, исходивших изнутри. Дверь оказалась незапертой. У него сразу же появилось неприятное ощущение. Определенно здесь что-то не так. Он осторожно открыл ее и крикнул:

– Эй, Хенрик!

Дом ответил ему тишиной. Он не увидел никакой чужой обуви в прихожей, только старые кеды Хенрика, и медленно прошел на кухню, пару раз позвал Хенрика по имени, но не получил ответа. Кухонный стол был хорошо вытерт, никакой посуды не стояло на нем. Клаес не обнаружил ни малейших следов тайского ужина, вероятно состоявшегося там предыдущим вечером. Прошел через гостиную, застекленную веранду, заглянул в гостевую комнату, туалет. Беспокойство росло. Он посмотрел на лестницу, идущую на второй этаж, и прислушался. Как мог Хенрик забыть запереть дверь, если ушел куда-то? Пожалуй, он находился дома. И не хотел, чтобы ему мешали. Черт, они, пожалуй, там наверху, заняты приятным делом. Он остановился на пути вверх и прислушался снова, но не уловил ни звука.

– Эй! – крикнул он в очередной раз. – Кто-нибудь дома?

Тишина. Он продолжил подниматься по скрипящим ступенькам и осторожно приоткрыл дверь в спальню Хенрика и Аманды.

При виде зрелища, представшего перед ним, Клаес испуганно попятился. На широкой металлической кровати, стоявшей посередине комнаты, лежало нагое тело. Его шею стягивала петля, а конец веревки уходил вверх к потолку и был прикреплен к белой деревянной балке, которую они вместе красили прошлым летом. Он и Хенрик. Тогда здесь громко играла музыка, и они попивали пиво, занимаясь малярными работами. А когда закончили, побежали прямо в море.

Руки Хенрика покоились сверху над его головой. Крепко скованные наручниками, они указывали в сторону окна с цветастыми занавесками. Запястья были намертво прикреплены к прутьям спинки кровати. Картинку дополнял широкий черный кожаный ошейник с массивными заклепками со стороны голой кожи. Увиденное не укладывалось у Клаеса в голове. Он не верил своим глазам.

Внезапно он услышал пение птиц за окном. Эти звуки доносились как бы из другого мира, в комнате же царила полная тишина. Там снаружи цвели цветы. Так абсурдно. Казалось, время остановилось и земля перестала вращаться, в то время как Клаес стоял, уронив вдоль тела руки, и пытался осознать увиденное.

Его взгляд скользнул вниз. Тошнота подступила к горлу, перехватило дыхание. Красные отметины на груди, животе, бедрах, словно от ударов хлыстом. Некоторые из них кровоточили. Лицо Хенрика и в то же время не его. Белое и чужое. Широко раскрытые глаза таращились в потолок.

– Что, черт побери... – выдавил из себя Клаес, нащупывая мобильный телефон в кармане. – Что, черт побери, здесь произошло?

Прошлое

Сесилия обрадовалась, увидев «вольво», припаркованный у въезда на участок. Отец вернулся раньше, чем ожидалось. Последние метры до крыльца она преодолела бегом, и едва успела открыть входную дверь, как оказалась в его объятиях.

– Папа, – прошептала она ему в ухо, – я так скучала по тебе.

Он отсутствовал не слишком много дней, но все равно казалось, что с момента его отъезда прошла целая вечность. Дом становился без него холодным и неприветливым, словно краски блекли, и хорошее настроение улетучивалось вслед за ним, когда он уходил. Была еще мама, конечно, но, когда они оставались вдвоем, все выглядело совсем иначе. На этот раз дела забросили его в Стокгольм. Сесилия так никогда и не узнала толком, чем он там занимался. Возможно, покупал парашюты, интересовавшие его больше всего в жизни, или участвовал в какой-то конференции. Но постоянно он трудился в Каппельсхамне, что очень ее устраивало. При желании она даже могла съездить к нему на работу на велосипеде.

– Я так скучал по тебе, старушка, – сказал он, и его голос показался ей необычным, каким-то напряженным.

Он долго и крепко обнимал ее, словно боялся отпустить от себя. А она стояла перед ним, оцепеневшая от неожиданности, настолько его поведение озадачило ее.

– Ты голодна? – поинтересовался отец. – Я собирался приготовить горячий шоколад и еще купил плюшки с корицей. Но мы сделаем также и несколько горячих бутербродов. И ничего не скажем маме, не так ли?

Сейчас его голос звучал почти как обычно. Он подмигнул Сесилии, и она подмигнула ему в ответ.

Маме не нравились перекусы между едой, она постоянно нудела о вреде для зубов, твердила, что, если постоянно совать в рот все подряд, в конечном счете располнеешь как бочка. Ничего не поделаешь, уж такой она была: слишком правильной и скучной. Из тех, кто не позволяет ни себе, ни другим в полную меру наслаждаться жизнью. Как будто опасно громко смеяться, галдеть и бурно выражать свои эмоции или время от времени наесться вволю чипсов или конфет. Сесилия и папа заключили между собой пакт с целью порой позволять себе то, что мама не одобряла. «Мы ничего не скажем маме» стало для них чем-то вроде секретного пароля, который они могли прошептать друг другу у нее за спиной. Например, когда папа с раннего детства брал с собой Сесилию в Висбю и разрешал ей сидеть на переднем сиденье. Мама не одобряла этого, по ее мнению, детям требовалось ездить сзади, тогда как папа считал подобное полной ерундой. «И куда он вообще тащит девочку с собой?» – интересовалась она. Он ведь ездил только в свой дурацкий авиаклуб. Такое дорогое и рискованное хобби... Но Сесилии нравилось там, она гордилась своим смелым и крутым отцом. Ни у кого из ее друзей отцы не прыгали с парашютом, и она знала, что они восхищались им, поскольку он осмеливался делать это. Став достаточно взрослой, она собиралась последовать его примеру, подниматься к небесам в маленьком самолете и бросаться вниз, наслаждаться свободным падением, пока не раскроется парашют. Папа рассказывал ей, какое ощущение возникает в эти мгновения, как сосет в животе и ветер свистит в ушах. Как он чувствовал себя свободным как птица, когда падал. Она никогда не уставала слушать его рассказы.

В Висбю она обычно получала мягкое мороженое в одном кафе перед Сёдерпортом. Самую большую вафельную трубочку, какая у них имелась, с карамельной крошкой и шоколадным соусом. Перед обедом. «Но мы ничего не скажем маме». Она могла представить себе хмурое лицо матери с недовольным взглядом и сердито поджатыми губами. Мороженое не едят столь легкомысленно. А также не покупают разноцветные воздушные шарики с блестками, и ни в коем случае сосиски с картошкой фри, если проголодаются. Папа же плевал на чье-то там мнение. И она любила его за это.

Он достал формовой белый хлеб, масло, сыр, малиновое варенье. Выудил из коричневого бумажного пакета две большие плюшки с корицей и положил их на тарелку. Потом сунул куски

хлеба в тостер и бросил взгляд на часы. Сесилия не могла понять, в чем дело. Что-то мучило его, он явно нервничал, и его мысли, похоже, находились где-то совсем в другом месте. Хотя, возможно, он просто устал после работы.

– Пройдемся до воды потом, ты не против? – поинтересовался отец и посмотрел на нее. – Мне необходимо размять ноги после долгого неподвижного сидения.

– Да, – ответила она, – с удовольствием.

С моря дул холодный ветер, но его большая рука, сжимавшая ее руку, дарила тепло. В промежутке между весной и летом случались холодные вечера, но было не важно, даже если бы она замерзла. Прогулки с папой были святым делом. Она надеялась, что так будет всегда. Пусть ей уже исполнилось пятнадцать лет, она по-прежнему хотела держать его за руку.

Обычно всегда говорил он: расспрашивал ее о школе или друзьях, поддразнивал, интересуясь, удалось ли ей уже разбить сердце кому-то из парней. Однако в этот день все получилось иначе. Он долго молча шел рядом с ней, и беспокойство зашевелилось у нее в груди. Вершина горы Хамнбергет, отвесной стеной поднимавшейся перед ними, купалась в солнечных лучах, с другой стороны волны бились о ее утесы. Они не раз стояли там на самом верху и смотрели в сторону горизонта. «Самая северная точка Готланда, разве не чудо», – обычно говорил папа с нотками гордости в голосе. Конечно, не Сахарная голова в Рио-де-Жанейро, но всегда прекрасна.

В этот день папа не произнес ничего такого. Они молча шли бок о бок. Галька шуршала под ее заношенными кроссовками. Волны ритмично накатывались на берег, оставляя на нем кучи водорослей. Весна выдалась холодной, и могло пройти еще много времени, прежде чем появится возможность купаться. Вряд ли стоило рассчитывать, что это удастся сделать раньше Янова дня.

– Мы поедем куда-нибудь в этом году, папа? – внезапно услышала она собственный голос.

Ей показалось или он сжал ее руку немного сильнее? Сесилия насторожилась по непонятной ей самой причине.

– Я не знаю, старушка, – сказал он, и, по ее мнению, это снова было произнесено необычайно угрюмо. – Мы с мамой еще не успели обсудить наш отпуск.

– Юханна собирается в Испанию.

– Здорово.

– А разве мы тоже не можем поехать в какую-нибудь другую страну? Если мама не захочет составить нам компанию, почему бы не отправиться вдвоем, ты и я. Пожалуйста, папа.

Ее мать боялась летать. Ей не нравилась сама мысль об отпуске где-то за границей. Но папа любил путешествовать самолетом. Сесилия уже представила себе, как они поднимаются на борт лайнера, который доставит их в какое-либо экзотическое место. У нее даже появился приятный зуд в животе. Она давно мечтала отправиться куда-нибудь вдвоем с папой.

– Ты становишься взрослой, – сказал он вместо ответа на ее вопрос. – Но порой все получается совсем не так, как планируешь.

Снова беспокойство закралось к ней в душу. Отец сжал ее руку. Они продолжили путь.

– Я подумываю устроиться на работу в Стокгольме.

Сесилия споткнулась о кусок дерева, лежавший на берегу, папа подхватил ее, прежде чем она успела упасть.

– Послушай, ты смотри, куда ставишь ноги, – продолжил он. – Тогда не упадешь в лужу. Мы же не хотим, чтобы ты пришла домой мокрая и несчастная.

– Нет, – пробормотала Сесилия, стараясь взять себя в руки.

Что он имел в виду? Устроиться на работу в Стокгольме? Неужели им придется переехать из Халльсхука, покинуть их красный дом и сад?

– Маме не нравится Стокгольм, – произнесла она тихо.

– Я знаю, любимая моя. Я знаю.

– Но как же тогда? Тебя постоянно не будет дома?

От этой мысли у нее похолодело внутри. Без папы целыми неделями... Только она и мама. В компании с тишиной, порой становившейся просто невыносимой. Мама, уткнувшаяся носом в газету. Мама у камина. Мама, способная только болтать всякую ерунду и читать нотации.

– Я еще сам не знаю ничего толком, – сказал он спокойно.

– Тебе не нравится жить здесь?

Казалось, пропасть разверзлась перед ней. У нее возникло ощущение, словно она оказалась на самом верху, на горе Хамнбергет, и шагнула вперед в пустоту, распростершуюся над морем. В черную бездну, как делал папа, когда стоял у открытого люка самолета, собираясь прыгнуть с парашютом и устремиться вниз. Но с той разницей, что он имел матерчатый купол, спасавший его. К тому же он знал, как ему лететь, и для него это всегда оставалось рискованным приключением, вызовом. Когда же она шагала с горного утеса, речь шла о совсем ином, об отречении от всего. Она зажмурилась на ходу, чувствовала, как холодный ветер трепал ее по щекам.

– Конечно, у меня все нормально здесь, на Готланде, Сесилия. Дело не в этом. Ты уже большая девочка, сердце мое. Поэтому я решил рассказать тебе.

– Мама знает, что ты будешь работать в Стокгольме?

Он ничего не ответил.

– И, по ее мнению, это хорошо? – спросила она со слезами на глазах.

– Я пока не успел поговорить с мамой. Еще ничего не решено. Пожалуй, было бы глупо с моей стороны заводить сейчас разговор на данную тему. Я просто хочу, чтобы ты была в курсе событий.

– Событий? И что же у нас происходит?

Сесилия, дрожа от волнения, повернулась к отцу. Сама удивилась, насколько резко прозвучал ее голос.

– Ну, я пока действительно не знаю. Все вилами по воде писано. Не беспокойся. Я, пожалуй, даже не получу работу в Стокгольме. Не думай больше об этом деле. Нет смысла беспокоиться напрасно.

Он сжал руку дочери в попытке утешить ее и перевести мысли девочки в другом направлении. У нее возникло ощущение, словно отец хотел сгладить сообщенную им новость. Не осмеливался сказать всю правду. Сесилия попыталась придумать подходящий ответ, но в голову ничего не пришло. Она механически шагала рядом с отцом, ставила одну ногу впереди другой. Таращилась на свои кроссовки. Сосредоточила все внимание на ходьбе по неровной поверхности. Один-два, один-два. Он по-прежнему держал ее за руку и находился совсем близко, но все равно, казалось, огромное расстояние, десятки километров разделяли их.

– Жизнь может измениться, – продолжил он. – В детстве мне тоже не нравились перемены. Это обычное дело у детей. Постепенно я понял, что даже вещи, которые изначально считаешь мерзкими, в конце концов могут оказаться просто фантастическими. Если новое тебе непривычно, это вовсе не означает, что оно должно быть плохим.

Солнце исчезло за облаками. Гора стала серой. Ветер усилился, и гулявшие по морю волны словно надели белые пенные чепцы. Капли дождя упали ей на нос, во всяком случае, такое у нее создалось ощущение. Погода в этих краях могла поменяться быстро, при полном штиле и чистом синем небе внезапно налетал сильный ветер и менял все за несколько минут.

– Пожалуй, пора идти домой, – сказал отец и посмотрел в сторону темневшего горизонта.

Его рука была столь же теплой, как и всегда.

Ледяной холод, однако, все равно прокрался в ее сердце.

Что-то изменилось безвозвратно, и она сомневалась, хотелось ли ей знать, о чем шла речь.

Кнутас сидел на своем старом дубовом стуле с сиденьем из мягкой кожи и потихоньку раскачивался вперед и назад. Ввиду отсутствия другого разумного занятия он потратил несколько часов на сортировку бумаг. За прошедшие выходные ничего интересного не случилось. Все ограничилось дракой, затеянной пьяницами около Сёдерпорта, кражей из автомобиля на автобусной станции и несколькими разбитыми окнами в продовольственном магазине в Виббле, да еще у кого-то сбежала корова и, болтаясь по городу, устроила переполох. Да, какой только ерундой порой не приходилось заниматься.

Последнее значительное событие криминального свойства произошло достаточно давно, и сейчас его работа напоминала бег на месте. А результатом стала апатия и тоскливое настроение. Единственным светлым пятном на этом фоне выглядел приближавшийся перерыв на кофе. Кнутас достал трубку и принялся набивать ее, поглядывая в окно. Березы наконец покрылись листвой, море пенилось на ветру по ту сторону окружавшей город стены. На парковке перед торговым центром сети «Кооп» хватало свободных мест, через пару недель, как только туристский сезон обрушится на остров, все здесь будет выглядеть совсем иначе. После долгой суровой зимы и холодной дождливой весны теплый воздух, который ласкал его щеки, долетая из открытого окна, казался чуть ли не волшебным даром природы. Обычно он только возился с трубкой, набивал ее табаком, втягивая носом приятные запахи, чтобы потом вытряхнуть ее и отправить все до последней крошки в мусор. Но сейчас сделал затяжку. Понял, что безделье просто измучило его. Обычно он курил, только если страдал от скуки или если что-то его беспокоило.

Лето наступало, и это вызвало у него приступ меланхолии. Раньше, когда он состоял в браке с Лине и дети находились дома, все было очень просто. Семейная жизнь плавно текла год за годом, следуя давно установившимся традициям, с празднованиями Рождества, дней рождений, Пасхи и Янова дня, и мыслей о чем-то другом не возникало. С наступлением лета он всегда знал, что будет делать, они с Лине выбирали, в какие недели пойдут в отпуск, когда поедут на материк и в Данию и куда отправятся с детьми. Сейчас же уже шел июнь, а он не имел представления, чем будет заниматься. Они с Карин подумывали осенью прокатиться за границу, и, пожалуй, это была неплохая идея. Впрочем, с какой стороны посмотреть.

Кнутас тяжело вздохнул и сделал новую затяжку. Что за чертовщина творилась с ним? Он чувствовал себя усталым, потерял интерес к жизни. Казалось, ничто уже не могло принести ему настоящую радость. Стук в дверь оторвал его от этих мыслей.

– Да, – сказал он, – войдите.

В дверном проеме появилась Карин, и у него сразу потеплело на сердце. Обычно ему достаточно было лишь посмотреть на это хрупкое создание со спадающими на лоб волосами, щелью между передними зубами, обнажавшейся, когда она улыбалась, чтобы его настроение изменилось в лучшую сторону. Но сейчас, судя по мрачной mine, у нее самой кошки скребли на душе. Вдобавок красные пятна на шее показывали, что она нервничала.

– Ты знаешь Хенрика Дальмана, художника? – Прежде чем Кнутас успел ответить или даже подумать над ее вопросом, она продолжила: – Мы получили сообщение, что он убит в своем летнем доме в Льюгарне. Найден голым, задушенным петлей, со скованными наручниками руками в собственной кровати. Если верить соседу, обнаружившему его, все выглядит как убийство на сексуальной почве.

– Когда это случилось? – спросил Кнутас, затушивая трубку и закрывая окно.

– Совсем недавно. Виттберг и Сольман уже в пути.

Кнутас взял свой пиджак, и они поспешили к расположенной у здания полиции парковке. Карин включила сирену и быстро погнала машину через остров в южном направлении к прибрежному поселку Льюгарн. К счастью, дорога была почти пустой. Они проносились мимо

крестьянских дворов с пасшимися на зеленых лугах коровами, каменных оград, сложенных из известняка домов. По обочинам росли синие, красные и лиловые цветы.

«Какая идиллия, – подумал Кнутас. – И вдруг среди всей этой красоты случается нечто ужасное».

Он прекрасно знал, кто такой Хенрик Дальман. Сей господин был хорошо известен многим островитянам как художник и скульптор, прежде всего благодаря творениям из бетона, но также самым разным предметам быта вроде сосудов, горшков и подсвечников. У него тоже было несколько штук дома, но Лине забрала все с собой, уезжая. Она ведь сама и покупала их. Ей нравились изделия Хенрика Дальмана. А сейчас он был мертв. И скорее всего, речь шла о сексуальном убийстве. Просто не укладывалось в голове, что подобное могло произойти в тихом и спокойном Льюгарне. Насколько Кнутас знал, Хенрик Дальман жил в Висбю с женой и детьми. Чем, черт возьми, этот парень занимался в загородном особняке?

Дом Дальмана находился у самой воды. Несколько полицейских автомобилей уже стояли по соседству, когда они подъехали. Кнутас направил туда кинологов с собаками, чтобы попытаться найти преступника, который еще мог оставаться поблизости. Но тех нигде не было видно, вероятно, они еще не успели прибыть. Виллу и участок, однако, уже огородили, и снаружи ограждения собралась толпа зевак.

Они прошли через газон, быстро поздоровались с занятыми поисками улик экспертами и вошли в дом. Судя по звукам, долетавшим со второго этажа, Эрик Сольман уже развернул там бурную деятельность.

Заглянув в спальню, Кнутас и Карин невольно вздохнули. Посередине комнаты стояла большая старинная железная кровать. Лежавший на ней на спине нагой окровавленный мужчина средних лет в наручниках, с ошейником и петлей на шее производил крайне неприятное впечатление. Веревка, уходившая вверх к потолочной балке, потом опускалась к лодыжкам, связанным вместе. Сольман стоял, наклонившись над телом, но выпрямился, когда заметил прибывших коллег.

– Привет. Не самое красивое зрелище, как по-вашему?

– Да уж точно, – буркнул Кнутас.

Его взгляд скользнул по жертве. Лицо было бордово-красным, а глаза, казалось, вот-вот вылезут из глазниц. Язык немного свисал изо рта. Карин быстро покинула комнату. Несмотря на многие годы работы в полиции, она так и не научилась спокойно смотреть на покойников, особенно когда они выглядели столь омерзительно. Кнутас сам чувствовал себя не лучшим образом от представшего перед ними зрелища. Особенно принимая в расчет то, что в обычной жизни Хенрик Дальман считался чуть ли не образцом галантности и элегантности.

– Что, по-твоему, здесь произошло? – спросил Кнутас и повернулся к эксперту, занимавшемуся ртом и носом мертвеца.

Сольман тряхнул головой, чтобы убрать рыжие непослушные локоны, упавшие ему на глаза.

– На первый взгляд мы имеем делом с сексуальной игрой, которая зашла слишком далеко. Он погиб, пока лежал связанный, и, судя по точечным кровоизлияниям в белках глаз, причиной его смерти стало удушение, вероятно, петлей, находящейся на шее.

– А как же тогда собачий ошейник?

– Ну, у людей хватает странных привычек, – пожал плечами Сольман. – Скорее всего, в данном случае забава вышла за рамки сценария. Он получил несколько ударов, вероятно, хлыстом, который лежит на полу рядом с кроватью.

На лестнице послышались шаги. Карин вернулась, она прижимала ко рту бумажное полотенце.

– Как ты? – спросил Кнутас и быстро погладил ее по бледной щеке.

– Все нормально, – ответила Карин, отстранившись от него. Она стыдилась собственной впечатлительности, но ничего не могла с собой поделать и осторожно посмотрела на жертву, вызывавшую самые негативные эмоции.

– Как долго он мертв? – спросила она.

Сольман поднялся и со стоном распрямил спину.

– Эта работа убьет меня, – сказал он с гримасой боли, массируя поясницу одной рукой.

– Трудно сказать, но, пожалуй, более двенадцати часов, – добавил он, повернувшись к обоим коллегам. – Посмотри сама, трупное окоченение уже полностью развилось.

Он приподнял голые ноги, которые, не сгибаясь, упали на кровать.

Все трое какое-то время стояли молча и смотрели на красные отметины от хлыста на теле уважаемого художника и отца малолетних детей.

– Вряд ли его жена стоит за всем этим, – пробормотал Кнутас.

– Никогда не знаешь наверняка, – возразил Сольман. – Но поскольку это случилось здесь, в летнем домике, он, скорее всего, позволил себе небольшую шалость. Встречался с кем-то тайно.

Кнутас достал телефон с целью найти судмедэксперта, который сможет подъехать и осмотреть жертву на месте. Он знал, что будет трудно вытащить сюда кого-то из Стокгольма, но надеялся на лучшее. В особенности при столь неординарных обстоятельствах. Жену и родственников требовалось допросить как можно быстрее, а также связаться с прокурором, чтобы получить разрешение на обыск. И в первую очередь следовало разобраться с сексуальными привычками Хенрика Дальмана. Вероятно, он знал преступника, иначе они ведь не стали бы договариваться о встрече здесь, подальше от посторонних глаз.

– Кинологом нужно дать отбой, коль скоро он мертв так долго, – констатировал Кнутас, закончив разговор. – Но обход соседей следует начать сразу же. Где мужчина, который нашел его?

– В доме напротив, с другой стороны газона у автобусной остановки, то есть ниже по Страндвеген, – ответил Сольман. – Сосед явно его хороший друг, они планировали пообедать вместе.

– Но с этим так ничего и не получилось, – констатировал Кнутас, одарив жертву печальным взглядом.

Юхан сидел перед компьютером в здании местного радио и телевидения на Эстра-Хансегатан, снаружи городской стены Висбю, но недалеко от нее. Когда-то здесь находился военный объект, а постройка, где они ныне размещались, служила конюшней для полковых лошадей. Сейчас ее занимала большая редакция радио, а на втором этаже в нескольких небольших комнатах с видом на море расположились региональные новости. Юхан потратил большую часть дня, приводя в порядок дела после своего долгого пребывания в Стокгольме. Само по себе это не составило ему большого труда. Он и после отъезда интересовался всем происходящим на Готланде, поэтому находился в курсе событий, а общие правила с тех пор не претерпели значительных изменений. Пока он отсутствовал, на его месте трудились несколько временных сотрудников, и они прилично выполняли свою работу. Его взгляд упал на фотографию в рамке, висевшую на стене. На ней были запечатлены Пия Лилья и одна из тех, кто временно трудился здесь вместо него, его стокгольмская коллега Маделейн Хага. Приятная, с короткой стрижкой и большими карими глазами, она улыбалась в объектив, обнажив белые зубы. Судя по снимку, она в два раза уступала ростом Пие, стоявшей рядом с ней на высоких каблуках. Празднично одетые женщины обнимались на красной ковровой дорожке во время церемонии вручения ежегодных телевизионных премий в Стокгольме. Разница в росте придавала картинке комичный оттенок. На Маделейн было облегающее черное платье.

«Она действительно красива», – подумал Юхан, и у него немного защемило в груди. Они встречались когда-то. Их обоих еще влекло друг к другу, и несколько лет назад, когда его отношения с Эммой переживали кризис, они сблизились вновь.

«Но сейчас с этим покончено раз и навсегда», – попробовал убедить себя Юхан. Он любил Эмму и его абсолютно не интересовали другие женщины. Во всяком случае, в этом месте.

Юхан оторвал взгляд от фотографии и продолжил листать газеты и проверять новостные сайты в охоте хоть за чем-нибудь стоящим и годным для того, чтобы сделать из этого сюжет. Его первый рабочий понедельник перевалил на вторую половину, и он уже сам чувствовал, что по мере продолжения поисков его внимание все более рассеивалось. Редакция в Висбю лелеяла надежду ежедневно по крайней мере одним материалом участвовать в региональном выпуске, касавшемся Восточной Швеции, но как раз сейчас ничего достойного не попадалось. Ничегошеньки не произошло, и лучшее, что он мог представить как новость, была кража из автомобиля предыдущим вечером, в результате которой кто-то лишился компьютера. Вряд ли из этой истории мог получиться достойный сюжет. Он уже почти потерял надежду, когда позвонила его коллега оператор Пия. Она уехала готовить репортаж с художественной выставки и сейчас находилась на обратном пути в редакцию.

– Слышал, что случилось? – взволнованно пропыхтела Пия в трубку.

– Нет.

Судя по ее тону, произошло нечто особенное.

– Некого господина нашли мертвым в его летнем домике в Льюгарне. Чуть ли не вся полиция сейчас там. У меня подруга живет в поселке по соседству с мужчиной, обнаружившим жертву. Его зовут Хенрик Дальман. Жертву, я имею в виду.

– Вот черт. Подбери меня.

Юхан бросил взгляд на часы – половина третьего. Если повезет, они могли успеть к первому вечернему выпуску. При всей омерзительности самого события адреналин уже дал ему знать о себе. Надо же, в первый его день на работе происходит столь неординарное преступление. Он позвонил редактору Максу Гренфорсу, сидевшему в главном офисе в Стокгольме, и предупредил, что ему понадобятся по меньшей мере две минуты в вечерних новостях. Как обычно, редактор оживился, услышав об убийстве.

– Здорово, Юхан. Ты притягиваешь новости как магнит. Это, черт побери, просто невероятно!

Юхан наморщил лоб. Он не знал толком, как ему реагировать на комплимент. Его не переставал удивлять цинизм редактора.

– Что еще тебе известно? – напористо продолжил Гренфорс. – Как все произошло? Кто жертва?

– Я знаю только, что его зовут Хенрик Дальман. Он известный художник. По крайней мере, на острове.

– Знаменитость! – воскликнул редактор с энтузиазмом. – Это уже будет новость государственного значения.

– Узнайте все о нем, – сказал Юхан, стараясь держаться спокойно. – Соберите все факты, какие сможете, и пришлите мне. Я еще позвоню.

Некоторое время спустя он сидел рядом с Пией в телевизионном автобусе, державшем курс на юг. Коллега вела его быстро и уверенно, не сводя взгляда с дороги, и попутно делилась с Юханом новостями:

– По словам моей подруги, тело нашел сосед.

– И кто он? – поинтересовался Юхан.

Он сжимал зубами ручку и пытался выловить записную книжку из своей сумки.

– Его зовут Клаес Хольм, и он большой друг Хенрика. Оба семейства много общаются, по крайней мере летом. У них дети одного возраста.

– Этот Хенрик находился дома один?

– Не знаю.

– Тебе известно, как произошло убийство?

– Нет, но, насколько я поняла мою подругу Юханну, Клаес реально был в шоке. И относительно того, что Хенрика Дальмана убили, явно нет никак сомнений.

Юхан попробовал позвонить комиссару Кнутасу, но тот не ответил. Тем же результатом закончилась его попытка пообщаться по телефону с Карин Якобссон. В конце концов ему удалось связаться с пресс-атташе полиции Ларсом Норрбю.

– Ты можешь что-нибудь рассказать об убийстве в Льюгарне? – начал Юхан.

Он мог слышать, как полицейский тяжело вздохнул.

– Откуда, черт побери?.. – Последовала короткая пауза. Потом Норрбю продолжил: – Некого мужчину нашли мертвым в летнем домике в Льюгарне, вот и все, что я могу сказать на данный момент.

– Когда?

Короткое сомнение.

– Ну, где-то около двух часов.

– Кто поднял тревогу?

– Сосед. Да, именно он обнаружил жертву.

– Вы подозреваете убийство?

– Да, пожалуй, это уже можно подтвердить.

– И что произошло?

– Я не могу вдаваться в детали, но все обстоятельства указывают на то, что совершено преступление. Более я ничего пока не могу сообщить. Позвони позднее.

– Что ты можешь сказать о жертве?

– Ничего. Мы не имеем права называть имя, пока все близкие погибшего не будут оповещены.

– А если я скажу, что, по моим сведениям, это Хенрик Дальман, как ответишь ты тогда?

– Адью.

Ларс Норрбю прекратил разговор. Юхан и Пия обменялись взглядами. Она хихикнула.

– Что тебя так развеселило? – спросил Юхан раздраженно.

Они как раз оказались позади огромного трактора, тащившегося со скоростью максимум тридцать километров в час и блокировавшего всю дорогу. Она была узкой и извилистой, из-за чего долго не получалось пойти на обгон.

– А какого еще ответа ты ожидал от него?

Пия одарила коллегу многозначительным взглядом из-под густо накрашенных ресниц. Она предпочитала кричащий макияж, а поскольку имела впечатляющий рост, черные как смоль волосы, пирсинги и татуировки, люди не могли равнодушно пройти мимо нее и обычно поворачивались и долго провожали взглядом. Как женщины, так и мужчины. Вдобавок Пия была веселой, смелой и открытой, интересным собеседником и невероятно одаренным оператором. Она мечтала работать по всему миру, в больших редакциях, и этого дня, по ее мнению, оставалось не так долго ждать. В чем Юхан тоже ни толики не сомневался.

Скоро они оказались на другой стороне острова, в Льюгарне и пересекли поселок по дороге, ведущей к морю и Страндвеген, где, насколько они знали, находился дом семейства Дальман. Юхан попытался позвонить на мобильный соседу покойного Клаесу Хольму, но тот не ответил. Его жена тоже. Это было в порядке вещей, ведь оба, скорее всего, пребывали в шоковом состоянии. У Юхана даже мысли не возникло попробовать связаться с кем-то из родни художника в данной ситуации. Это было не в его правилах. Поэтому приходилось ждать.

Даже с большого расстояния было видно, что внизу у воды произошло что-то серьезное. Три полицейских автомобиля стояли на въезде на Страндвеген и участок семейства Дальман. Пия остановила автобус как можно ближе, и они быстро выбрались наружу. Юхан видел, как Карин Якобссон исчезла в доме вместе с пожилой полной женщиной, судмедэкспертом. Он узнал ее, она работала в Сольне, он несколько раз брал у нее интервью, пока трудился в главной редакции в Стокгольме, но не смог вспомнить имени. Ему стало интересно, тут ли и Кнутас тоже. Он по-прежнему не отвечал на телефонные звонки. Пара полицейских в форме охраняли близлежащую территорию, не позволяя посторонним проникнуть на нее. Юхан приблизился к одному из них, пока Пия снимала окрестности.

– Что здесь произошло?

– Об этом я не могу говорить, – ответил полицейский и сердито поджал губы. – Предлагаю вам обратиться к пресс-атташе полиции.

– Да, но что-то ты можешь сказать в качестве объяснения, почему вы установили ограждения и из-за чего здесь так много полицейских автомобилей.

– Повторяю, свяжитесь с Ларсом Норрбю.

Страж порядка явно выглядел раздраженным и демонстративно отвернулся, давая понять, что не собирается продолжать разговор. В это мгновение на крыльцо дома жертвы вышел Андерс Кнутас.

– Привет! – крикнул Юхан и замахал рукой с целью привлечь его внимание.

Он надеялся, что ему удастся обменяться с комиссаром несколькими словами. Они давно не виделись, а кроме того, Кнутас был в долгу перед ним после того, как он передал полиции важную информацию, касающуюся прежних убийств. К тому же Юхан даже спас жизнь Кнутасу несколько лет назад.

Шеф криминальной полиции вздрогнул, и Юхан заметил, что он удивленно приподнял брови, посмотрев в их сторону. К его радости, комиссар направился к ним и даже протянул ему руку, приблизившись.

– Сколько лет, сколько зим, – проворчал Кнутас, когда они обменивались рукопожатиями.

– И не говори, – согласился Юхан. – Рад видеть тебя, хотя обстоятельства, конечно, не самые приятные.

– Да при других мы и не встречаемся, – заметил Кнутас, и Юхану удалось разглядеть намек на улыбку у него в уголке рта.

– Что случилось?

Юхан протянул вперед микрофон, а Пия принялась снимать. Кнутас держался спокойно.

– Некого мужчину нашли мертвым.

– В доме?

– Да.

– Его владельца?

– Я не хочу пока раскрывать, кто он. Близкие еще не оповещены.

– Вы подозреваете убийство.

Комиссар колебался мгновение.

– Мы не можем этого исключать, но пока еще рано утверждать с полной уверенностью.

– На основании чего вы подозреваете, что речь идет об убийстве?

– Об этом слишком рано говорить.

– Чем полиция занимается сейчас?

– Мы опрашиваем соседей, эксперты обследуют дом, а присутствующий здесь судмедэксперт займется изучением тела. Устанавливается, как покойный провел последние часы своей жизни. Мы задействуем все наши силы, пытаясь выяснить, что могло привести к такой развязке.

– Есть следы взлома? Какие-то признаки того, что он стал жертвой одного или нескольких воров, внезапно столкнувшихся с ним и убивших его?

– Об этом я также пока не могу говорить.

– Когда он умер?

– По оценке экспертов, вчера поздно вечером или в начале ночи.

– Ты можешь что-нибудь сказать о том, как погиб этот мужчина?

– Нет, еще слишком рано. – Кнутас продолжил, смотря прямо в камеру: – Сейчас нам необходима помощь общественности. Если кто-нибудь видел или слышал нечто непривычное здесь, в Льюгарне, вчера вечером или ночью, мы просим вас позвонить в полицию.

По его тону Юхан понял, что произошло нечто особенное. Речь явно шла не об обычном убийстве. Если вообще можно было говорить о насильственной смерти таким образом.

В понедельник вечером следственная группа собралась в здании полиции Висбю. Кнутаса вполне устраивало, сколь быстро и эффективно они взялись за дело. Интерес средств массовой информации был огромным. Детали происшествия, конечно, не удалось сохранить в тайне, но пока еще никто не обнародовал имя жертвы. Отец маленьких детей погиб в ходе сексуальной игры в собственном летнем домике. Полиция подозревала убийство. Ограждения вокруг дома и большое количество полицейских автомобилей в толком не пробудившемся от осенне-зимне-весенней спячки Льюгарне привлекли большое внимание общественности.

Когда все расселись за столом, уставленным чашками с кофе и блюдами с бутербродами, Кнутас занял свое обычное место с торца.

– Итак, у нас сорокапятилетний отец семейства, встретивший свою смерть в собственном летнем домике в Льюгарне. И это далеко не заурядный обыватель, а художник Хенрик Дальман, который, я полагаю, не нуждается в дополнительном представлении, – начал он.

– Это же ему заказали сделать скульптуру перед Альмедальской библиотекой? – спросил инспектор Томас Виттберг. – Я читал большую статью о нем в нашей газете на днях.

– Да, все так, – коротко подтвердил Кнутас и возобновил свой доклад: – На данный момент мы не можем с полной уверенностью сказать, идет ли речь об убийстве, однако нам все равно надо исходить из этого. Дом и участок огорожены, и продолжается опрос соседей. Эксперты по-прежнему остаются там, но Сольман прибыл на нашу встречу, за что мы ему очень благодарны. – Он кивнул эксперту и снова обратился к сидевшим за столом коллегам: – Так выглядело тело, когда его нашли.

Кнутас знаком показал Карин выключить свет, а Сольману вывести на висевший на стене комнаты белый экран первую фотографию. Присутствующие отреагировали довольно шумно, когда Хенрик Дальман предстал перед ними.

– То есть речь идет о сексуальном убийстве? – воскликнул пресс-атташе Ларс Норрбю.

Кнутас одарил его удивленным взглядом. Человек, в чьи обязанности входило служить центром информации, явно знал меньше всех остальных.

– Ты что, проспал сегодня весь день? – спросил Виттберг саркастически. – Но в любом случае как еще, по-твоему, подобное называется?

Он тряс белокурыми локонами, при его попустительстве достигшими такой длины, что он заплетал их в косичку. Белая футболка плотно облегла его тело, подчеркивая хорошо развитую мускулатуру.

«Боже, Виттберг стал еще здоровее», – подумал Кнутас с оттенком зависти. Внешне инспектор резко отличался от сухопарого, одетого в костюм, элегантного коллеги, к которому обращался.

– Прекрати, – буркнул Норрбю и сердито поджал губы.

Он повернулся к Кнутасу и весь обратился в слух. Тем временем Сольман показал еще несколько снимков жертвы, сделанных с разных ракурсов.

– Что здесь замешан секс, вряд ли стоит сомневаться, – продолжил Кнутас. – Хенрика Дальмана нашел сразу после двух пополудни его сосед, и к тому моменту он был мертв уже более двенадцати часов. На его теле имеются следы от ударов хлыстом, царапины и несколько синяков.

– У него есть повреждения, позволяющие предположить, что он защищался? – поинтересовался прокурор Биргер Смиттенберг, также присутствовавший на встрече.

Он много лет тесно сотрудничал с Кнутасом, и, когда речь шла о серьезных преступлениях, предпочитал принимать участие в расследовании с самого начала.

– Ничто не указывает на какие-либо попытки сопротивления, – ответил Кнутас. – Его явно все устраивало, по крайней мере сначала. Найденная на простыне сперма отправлена на анализ. Кроме того, на кровати обнаружено несколько длинных черных волос, их тоже послали на экспертизу. Я попросил криминалистов поторопиться и надеюсь, что мы получим ответ в течение нескольких дней. – Он повернулся к эксперту: – Сольман, ты можешь подробнее рассказать об уликах, найденных на месте преступления?

– Сперма с простыни может принадлежать жертве или вероятному преступнику, однако нельзя исключать, что она оказалась там когда-то ранее, – объяснил Сольман. – Волосы, обнаруженные на кровати, похоже, синтетические. Я попробовал на скорую руку проверить их с помощью микроскопа, и они не выглядят настоящими, скорее всего, от парика. Насколько нам известно, жена Дальмана не использует искусственные волосы. В доме нет никаких следов борьбы, несколько находок указывают на то, что жертва ужинала вместе с кем-то. Обнаружены две недавно открытые бутылки из-под вина, плюс пара картонных коробок из тайландского ресторана в Висбю, с ними как раз сейчас разбираются. Само собой, они могли появиться ранее, даже если по утверждению соседей семейство Дальман не посещало свой дом уже пару недель.

– Это была тайская еда, ты сказал, – перебил эксперта Кнутас. – Вы нашли палочки для нее? Там же могла остаться ДНК.

– К сожалению, они лежали нетронутые в пластиковой упаковке. Хозяин дома и его гости или гостя использовали обычные столовые приборы, которые тщательно вымыты. Есть шанс, что именно преступник покупал еду и что персонал или какие-то свидетели в этом случае запомнили его или ее. Также вполне возможно, смерть наступила в результате несчастного случая и речь просто-напросто идет о неудачно закончившейся сексуальной игре. Ничего пока нельзя сказать определенно.

– Как обстоит дело с другими уликами? – поинтересовался прокурор.

– Если мы имеем дело с убийством, то преступник, он или она, к сожалению, оказался очень аккуратным и тщательно за собой прибрался, вымыл посуду и вытер все поверхности, к которым мог прикоснуться. Даже помыл пол в спальне. В доме видно, где поработали тряпкой совсем недавно.

Прокурор кивнул, предлагая Сольману продолжать.

– Мы нашли хлыст под кроватью. Вероятно, именно его использовали в отношении Дальмана. Исследование места преступления будет продолжаться всю ночь, поэтому вполне возможно, у нас появятся новые находки.

Сольман вывел на экран следующие фотографии: жертвы под разными углами, спальни, где он лежал, кухни, гостиной.

– Что все это нам говорит о личности преступника? – вступила в разговор Карин. – Тщательность, с которой прибрано в доме, я имею в виду.

– О чем ты? – спросил Ларс Норрбю.

– Ну, если имел место несчастный случай, то есть сексуальная игра зашла слишком далеко, то человек, по неосторожности убивший Хенрика Дальмана, наверное, должен был находиться в шоке, сильно нервничать. Неужели в подобной ситуации можно сохранить холод-

ную голову, мыслить рационально и прибраться за собой самым тщательным образом? Разве это не подтверждение, что речь идет о заранее спланированном убийстве?

– Да, пожалуй, ты права, – произнес Кнутас задумчиво и потер рукой подбородок.

Он смотрел на Карин дольше, чем требовалось.

«Как все обстояло бы, – подумал он, – если бы мы и далее оставались просто коллегами и никем больше?»

Так ситуация выглядела почти двадцать лет, но сейчас их связывали более тесные отношения. Каким-то образом это еще не укладывалось в голове. Словно не касалось его. Как будто в нем уживались два человека. Он быстро заставил себя вернуться к реальности, к вопросу Карин. Не то сейчас время, чтобы философствовать о превратностях судьбы.

– Давайте на время остановимся на предположении о заранее спланированном убийстве, – продолжил Кнутас. – Что говорит в пользу данной версии?

Задав вопрос, он обвел взглядом коллег, своих ближайших помощников, с которыми работал рука об руку. Взглянул на каждого из них. На эксперта Эрика Сольмана с огненно-рыжими волосами и кипучим темпераментом. Представительного пресс-атташе Ларса Норрбю, всегда корректного и чуточку угрюмого, которому Кнутас верил как самому себе. Прокурора Биргера Смиттенберга, продолжавшего трудиться, пусть и не на неполную ставку, хотя его возраст приближался к семидесяти. Более дотошного и преданного своему делу человека едва ли можно было представить. И наконец, инспектора Томаса Виттберга, их собственного полицейского ловеласа и сердцееда, в прошлом убежденного холостяка, какое-то время назад наконец расписавшегося с юной делекарлийкой, которая проводила отпуск на Готланде и была в два раза моложе его. Встретившись с ней, он налег на занятия спортом, отрастил бороду и стал носить еще более тесные, чем раньше, футболки, чтобы выставить напоказ свое хорошо тренированное тело. Словно хотел компенсировать возраст мышцами, отвлечь внимание от седых волос и очков для чтения кубиками на животе и огромными бицепсами.

«Это выглядело не лучшим образом», – подумал Кнутас, но он сам тоже ощущал разницу в возрасте между собой и Карин. Она была на двенадцать лет моложе, и сегодня его более чем ранее раздражал каждый новый седой волос, каждая морщина и все другие внешние признаки старения. Особенно его задевала отличная физическая форма Карин. Когда он жил со своей ровесницей Лине, его никогда не мучили подобные мысли. В следующую секунду он проклял сам себя. Что, черт возьми, с ним происходит? Он в разгар первого совещания, касавшегося нового расследования убийства, которое сам вдобавок вел, думал неизвестно о чем. Надо взять себя в руки. Он остановил взгляд на Виттберге, как раз начавшем отвечать на заданный им вопрос. Мог видеть, как двигались губы коллеги.

– Место встречи, без сомнения, удачно выбрано для намерения лишить кого-то жизни, – сказал Виттберг. – Вдалеке от посторонних глаз, где мало постоянно живущих соседей. Из приезжающих на лето пока еще почти никто не появился. Никаких свидетелей. Если преступник имел автомобиль, он легко мог припарковаться немного в стороне, где никто не обратил бы на него внимания. Убийство произошло в доме у жертвы, и никого другого там не ждали. Убийца мог спокойно уничтожить все следы своего пребывания, не опасаясь, что ему помешают, а потом с легкостью незаметно исчезнуть. И если это женщина, способ действия выбран идеально. Обманом заставить мужчину поверить, что он получит вожделенный секс, зафиксировать его наручниками в кровати, так что он и не подозревал об опасности, а потом избавиться от улик, без необходимости куда-то тащить тяжелое тело. Тогда также понятно, почему нет никаких следов борьбы. Как он мог бы сопротивляться с руками, соединенными над головой, и связанными ногами?

– Точно, – согласилась Карин. – Что нам известно об этом Хенрике Дальмане? У него, пожалуй, хватало интрижек на стороне.

– Мы пока не смогли допросить его жену, она слишком шокирована, – сказал Кнутас. – Надеюсь, нам удастся встретиться с ней завтра.

– А сосед, нашедший его? Они же были большими друзьями? – поинтересовался Норрбю.

Кнутас достал бумагу из лежавшей перед ним на столе папки, опустил очки со лба на нос и быстро пробежал глазами протокол допроса.

– Ну, он не сказал ничего относительно побочных связей Хенрика Дальмана. Однако, зная что-то, вряд ли стал бы лгать на сей счет.

– У нас есть какие-то улики, свидетельствующие о том, что преступником могла быть женщина? – спросил прокурор Смиттенберг.

– Отпечатки обуви, найденные нами в саду, – вклинился в разговор Сольман. – Земля была сырой, но ночью обошлось без дождя, что облегчило нашу работу. Во-первых, мы нашли следы обуви самой жертвы, во-вторых, соседа. И кроме того, есть еще один отпечаток, судя по всему, женских туфель на высоком каблуке, сорок первого размера. С ним нам предстоит разбираться подробнее, но, похоже, мы имеем дело с обувью с тонким каблуком, а такую вряд ли носят мужчины.

– Если он, конечно, не был переодет, возможно, трансвестит, – возразила Карин. – Длинные волосы, пожалуй, тоже могут указывать на это.

– Что относительно мобильного и компьютера жертвы? – поинтересовался Виттберг.

– Телефон мы не нашли, и ноутбук, который он имел с собой, тоже отсутствует. Зато есть стационарный аппарат в доме в Висбю и айпад, оставшийся в автомобиле. Ими занимаются в срочном порядке. Кроме того, мы затребовали распечатку звонков на мобильный у фирмы «Телиа», но пройдет несколько дней, прежде чем мы ее получим.

– Что дал опрос соседей на данный момент? – поинтересовался Норрбю.

– Абсолютно ничего, насколько мне известно, – вздохнул Кнутас. – Постоянно там живет очень мало народа. Занятия в школах только закончились, и люди не успели разъехаться по своим летним домикам. Но работа продолжается. Посмотрим, что произойдет за вечер. Нам еще предстоит опросить близких, коллег и друзей Хенрика Дальмана. У него и Аманды есть маленькая дочь, сейчас находящаяся у бабушки и дедушки в Бургсвике. Ей только два года, по-моему. У него еще двое детей от бывшей жены, ныне проживающей в Игне. Как там ее зовут... – Кнутас полистал свои бумаги. – Регина Мёрнер, вот как. Детям десять и двенадцать лет. Кроме того, у Регины Мёрнер имеется дочь от предыдущего брака, которой сейчас двадцать.

– И что нам известно о ней?

– Регина Мёрнер переехала в Игне после развода. Она не местная, родом из Стокгольма. Старшая дочь живет в Стокгольме.

– Мёрнер нам тоже надо опросить как можно быстрее, – сказал Кнутас. – Также и старшую дочь.

Он окинул взглядом своих сотрудников. Время приближалось к восьми вечера, и большинству требовалось поработать еще несколько часов.

– Нам не известно, охотимся мы за мужчиной или за женщиной, идет речь об убийстве или несчастном случае. Поэтому раскачиваться некогда.

Прошлое

Далеко внизу поблескивало море, тут и там маячили белые точки парусов, бороздивших его поверхность яхт. Время полета от Висбю до аэропорта Бромма составляло полчаса. Сесилия наклонилась к иллюминатору, чтобы лучше видеть. Как у папы хватало смелости прыгать, когда он находился под самыми небесами? Мотор гудел монотонно, внушая спокойствие, но все равно оставалось непонятным, почему люди добровольно бросались вниз с такой высоты. В далеком детстве она собиралась попробовать, когда подрастет, но сейчас уже у нее создалось ощущение, что она никогда не осмелится на прыжок с парашютом.

Судя по давлению на уши, самолет набирал высоту, но они по-прежнему находились ниже облаков, и она могла видеть море. Жизнь стала совсем иной после того, как папа переехал. Казалось, она по-настоящему жила только в те часы, когда они виделись. Папа несколько раз приезжал на Готланд после развода, но сейчас ей впервые представился случай навестить его в Стокгольме. Он перебрался в место под названием Тумба, обзавелся квартирой, где имелась комната и для нее. Очень уютная, если верить его рассказам по телефону, с выходящим во двор окном. Он купил новую кровать и письменный стол, чтобы она могла делать уроки. Ей должно было понравиться там.

Им предстояло провести вместе выходные, ей и папе. Он собирался показать свое новое жилище, а потом сходить с ней в ресторан пообедать. Далее в их планах стояло кино и, пожалуй, прогулка по Старому городу. Папа засомневался, не стала ли она слишком взрослой для парка развлечений Грёна Лунд, вызвав с ее стороны бурю протестов. Наоборот, ей очень хотелось попасть туда, там ведь, насколько она слышала, имелось множество аттракционов, включая американские горки, и сцена, где выступали известные артисты. Но, пожалуй, с особым нетерпением она ждала вечера, когда она будет сидеть с папой на диване, смотреть телевизор и просто находиться рядом с ним. Она соскучилась по его объятиям, запаху парфюма, ощущению спокойствия и тепла, когда он клал руку ей на плечи. Казалось, детство, любовь, все, имевшее хоть какое-то значение, грубо и поспешно забрали у нее, когда он покинул их. Никогда не становишься слишком взрослым для такого. Даже когда тебе шестнадцать лет.

Сесилия, похоже, заснула, поскольку звуковой сигнал, предшествовавший загоранию таблички «Пристегнуть ремни», заставил ее вздрогнуть. Стюардесса наклонилась над ней проверить, выполнено ли это распоряжение, но совершенно напрасно, поскольку она после взлета не расстегнула ремень.

Вскоре самолет коснулся земли и к концу посадочной полосы замедлил бег. Наконец она прибыла в Стокгольм. От предвкушения всех радостей, ждавших ее здесь, она испытала приятный зуд в животе, выйдя на трап.

Она проследовала вместе с потоком пассажиров в зал прилета, крепко сжимая ручку сумки. Всматривалась в чужие лица, пытаясь разглядеть папу. А вдруг он не появится? Но едва у нее мелькнула эта мысль, как она увидела его. Он стоял немного в стороне и, увидев дочь, широко улыбнулся и раскрыл свои объятия. Оказавшись в них, она зажмурилась, долго не могла прийти в себя от счастья. Ей так хотелось, чтобы они никогда больше не расставались.

– Как прошел полет? – спросил он, пока они пробирались к выходу.

– Просто здорово, – ответила она.

– Да, ты же уже совсем большая, – сказал он. – Почти невеста. Признавайся, скольким парням разбила сердце за последнее время.

Она покраснела.

Неужели обязательно каждый раз задавать этот вопрос? И вообще почти все мальчишки были дураками, а классе одноклассники – тем более.

Они сели в его машину на парковке и выехали на дорогу, которая вела из аэропорта в город. Время от времени он поглядывал на нее, взъерошивал ей волосы, словно она еще оставалась маленькой девочкой. Он явно обрадовался их встрече. Конечно, скучал по ней тоже. Наверное, ему тяжело жилось одному в большом городе. Хотя в Стокгольме было гораздо больше суеты и движения по сравнению с Халльсхуком. Множество домов и автомобилей. Невероятное количество чужих людей. Как он справлялся?

– Тебе нравится жить здесь? – спросила осторожно в надежде получить отрицательный ответ.

А вдруг он тосковал по дому и Готланду и подумывал вернуться?

– Да, очень.

– А тебе не одиноко?

Он затормозил на красный сигнал светофора. Потом посмотрел на нее с таинственной улыбкой.

– Вовсе нет, – ответил он. – Мне надо рассказать тебе кое о чем, пока мы не приехали.

В ожидании приятной новости ее сердце забилося так, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Всю свою жизнь она хотела иметь собаку и много раз просила родителей о ней. Но мама считала, что животное доставит лишнее беспокойство и привяжет к дому. Хотя какое это имело значение, она ведь все равно никуда не ездила и ненавидела путешествовать. Но именно по этой причине мама не разрешала взять домой щенка. Папа был более позитивно настроен, даже пытался уговорить ее пойти навстречу Сесилии. А вдруг он уже завел маленького боксера, о котором она так мечтала. Судя по выражению его лица, он хотел рассказать о чем-то особенном и молчал некоторое время, казалось, собираясь с духом.

– Дело в том, что я познакомился с одной девушкой. Ее зовут Анки, она очень красивая и добрая. И просто сгорает от нетерпения встретиться с тобой.

У Сесилии перехватило дыхание. Сначала она ничего не поняла. Девушка? Что это означало?

– Ага, – только и выдавила она и уставилась прямо перед собой, в то время как смысл услышанного начал медленно доходить до нее.

Папа тем временем продолжал говорить, теперь более веселым голосом. Она воспринимала отдельные слова: что Анки молода и обворожительна. Обворожительная девушка.

Сесилия попыталась улыбнуться, но ее рот только скривился, словно она откусила от ломтика лимона. Интересно, он вообще заметил ее реакцию?

– Мы планировали прогуляться и перекусить вечером. По соседству есть отличное маленькое заведение. С итальянской едой, которая тебе так нравится. И у них замечательное мороженое.

Они один за другим миновали районы с уродливыми высотками. Сесилия представляла себе, что папа жил в красивом и уютном месте, но пока окрестности производили на нее только удручающее впечатление. Вдобавок занял живот. Плюс она еще почувствовала резь в глазах. Даже не повстречавшись с Анки, Сесилия испытывала к ней ненависть. Какое право она имела вторгаться в ее и папину жизнь?

Он повернул на более узкую дорогу. Они миновали несколько детей на велосипедах и маму с коляской. Пенсионер с собакой шел вдоль дорожного ограждения. Никто не здоровался.

Они приехали. Папа припарковал автомобиль на свободном месте.

– Ну вот! Добро пожаловать в Тумбу, – сказал он радостно.

Он взял ее сумку, запер машину, не переставая говорить. Утро было солнечным и теплым, хотя только начался май. Но внезапно она замерзла в своей тонкой футболке. Ей ужасно захотелось на Готланд и в дом, где она жила с мамой. Живот ныл, пожалуй, месячные приближались. К счастью, она захватила все необходимое с собой. Не имела ни малейшего желания просить у папы деньги на покупку прокладок.

Дома походили друг на друга как две капли воды, все шестиэтажные с фасадами из серого бетона. С тремя подъездами каждый, с прямоугольными дверьми из стекла и металла. Кто-то испачкал каракулями стену по соседству, а на тротуаре валялись окурки. Долговязый юнец с длинными волосами и в потертых джинсах прошел мимо и одарил ее непонятным взглядом.

На лестнице пахло плесенью, а серо-зеленый цвет стен усиливал ощущение безликости. Сесилия испытала разочарование. Старая люминесцентная лампа в лифте мигала.

– Четвертый этаж, – сказал папа. – Ты любила нажимать на кнопки, когда была маленькой. Помнишь?

Она молча кивнула, надеялась еще, что ей не придется встречаться с женщиной по имени Анки.

Но тщетно, как оказалось.

Как только папа открыл дверь, Сесилия ее увидела, она стояла там. Блондинка, с большими кольцами в ушах, в джинсовой рубашке поверх комбинации. В спортивных брюках, немного приспущенных на бедра, уже загорелая, хотя было только начало мая.

– Боже, как здорово, что ты наконец здесь! – воскликнула она и бросилась на шею Сесилии. – Крилле так много рассказывал о тебе!

Крилле? Уж не о ее ли папе она говорила?

Папа обнял Анки, прижал к себе.

– Я так рад, что вы наконец смогли встретиться, – сказал он голосом, который она снова не узнала.

Сесилия опустилась на кровать в маленькой гостевой комнате, где мебель явно подбиралась исключительно для нее. Анки показывала и объясняла, но голос ее доносился словно издалека. Сесилия сидела на клетчатом покрывале и рассеянно смотрела по сторонам. Да, окно действительно выходило во двор. Там снаружи играли дети, их радостный смех эхом отдавался на четвертом этаже. Даже если солнечные лучи попадали внутрь, квадратная комната со светло-желтыми обоями выглядела довольно мрачной. Она никогда не чувствовала себя столь неуютно. Почему папа не рассказал ей, что у него появилась женщина? Она жила в его квартире и они уже обручились? Она смотрела на свои руки, лежащие на коленях. Ощущение нереальности происходящего росло. Анки болтала безостановочно, выражала восторг по поводу того, что Сесилия проведет с ними выходные, сказала, что она, пожалуй, смогла бы подружиться с ее племянницей, жившей в Сёдермальме, которой было семнадцать лет. Сесилия изо всех сил старалась не показаться невежливой, но ей нестерпимо хотелось плакать.

С опросом жены Хенрика Дальмана Аманды пришлось подождать до следующего дня. Известие о смерти мужа настолько потрясло ее, что ночь она провела в неврологическом отделении больницы Висбю. Кнутас решил пообщаться с ней в домашней обстановке, в надежде тем самым облегчить для нее разговор. Бедная женщина только что потеряла мужа, и в довершение всего, при крайне неприятных обстоятельствах.

Комиссар пешком прогулялся до виллы семейства Дальман, которая находилась у ботанического сада в ближней к воде части города. Было прекрасное утро. Он прошел под широкой аркой расположенных с восточной стороны ворот, солнце ласкало подновленные фасады домов, на мощенных булыжником улицах царила тишина, изредка нарушаемая шумом шагов редких прохожих. Кошка вылизывала лапы, развалившись на каменной лестнице. Он пересек площадь Стура с помпезными руинами средневековой церкви Святой Катарины и миновал роскошный кафедральный собор. Его двери стояли открытыми, из них лилась органная музыка. Возможно, кантор устроил репетицию перед концертом. Скоро он добрался до переулка Святого Улофа и быстро нашел дом Дальмана. Покрашенный в белый цвет, он стоял на углу улицы у самых руин церкви Святого Улофа, возвышавшихся за оградой Ботана, как в народе называли ботанический сад Висбю. Кнутас закрыл глаза на секунду и вдохнул полной грудью пропитанный ароматами цветов и растений воздух, насладился пением птиц, спрятавшихся в листве.

Через открывавшуюся внутрь калитку с тыльной стороны дома он попал в сад, поднялся на маленькое крыльцо, позвонил в дверь. Прошла минута, прежде чем она открылась, но Кнутас не стал нажимать на звонок снова. Он меньше всего хотел причинить лишнее беспокойство несчастной вдове.

Аманда Дальман была одета в черные юбку и блузку, ее длинные, густые, слегка волнистые волосы свободно лежали на плечах. Она имела красивые правильные черты, на бледном лице яркими пятнами выделялись большие карие глаза. Аманда даже не пыталась сегодня накраситься и явно недавно плакала. Подошел черный лабрадор и дружелюбно помахал хвостом.

стом, не ведая, какая трагедия обрушилась на семью. Кнутас ласково погладил собаку. Он представился и для начала выразил соболезнования.

Аманда Дальман провела его в гостиную с большим диваном и камином. Об убранстве дома, без сомнения, позаботились люди, обладавшие как деньгами, так и вкусом.

– Хочешь кофе? – спросила она слабым голосом.

– Нет, спасибо. Я только что пил. Немного воды, пожалуй.

Аманда Дальман ушла и сразу же вернулась с графином и двумя стаканами. Села в кресло напротив комиссара.

– Я постараюсь не занять много времени, – сказал Кнутас, достав диктофон из сумки, включив его и протараторив обычные вводные фразы. – Насколько я понимаю, вы с Хенриком прожили вместе три года и у вас есть дочь Инез двух лет, все правильно?

– Да.

– Ничего особенного не произошло между вами за последнее время?

– Нет, все было как обычно, – сказала она и всхлипнула. – От этого еще тяжелей.

– Ты не замечала ничего странного в Хенрике? Никаких перемен? Новых знакомых?

– Я не заметила ничего необычного. Он не рассказывал ни о каком новом знакомом. Это просто ужасно.

У нее из глаз полились слезы, она взяла бумажную салфетку из пачки, лежавшей на столе.

– Ты можешь описать ваши отношения?

– Они фантастические. Мы по-настоящему любим друг друга. Любили... – поправилась она. – Хенрик был моей самой большой любовью. Мы подумывали о втором ребенке.

Аманда Дальман разрыдалась. Кнутас не знал, стоит ли ему встать и попытаться утешить ее. Он решил немного подождать.

– Расскажи, как у вас обычно проходил день.

– Просто замечательно, уже с самого начала. С Хенриком все было легко и весело, даже прибираться и выносить мусор. – Ее голос начал терять силу. – Произошедшее стало шоком для меня, я не понимаю...

– Ты не знаешь, у твоего мужа была другая женщина?

– Я не замечала ничего такого. Конечно, обращала внимание, что он порой засматривался на какую-нибудь красотку, проходившую мимо, но у меня и мысли не возникало, что он станет флиртовать с кем-то или затеет интрижку на стороне. Казалось, ему вполне хватало меня.

Нижняя губа Аманды Дальман задрожала, и она потянулась за новой бумажной салфеткой. Кнутас долго набирался смелости, прежде чем продолжил:

– Я прошу извинения за столь бестактный вопрос, но это важно для расследования. Как у вас обстояло дело с сексуальной жизнью?

Женщина, сидевшая по другую сторону стола, обеспокоенно заерзала на месте. Прошло некоторое время, прежде чем она ответила:

– Никаких проблем. Он был ласковый и любвеобильный. Я ничего не понимаю...

Кнутас наклонился вперед:

– Ничего такого, что могло бы объяснить, как он оказался в том положении, в которой его нашли в вашем летнем домике?

Аманда Дальман колебалась, ее взгляд блуждал по уютной гостиной. Тишину нарушал только храп собаки, спавшей на овечьей шкуре у камина.

– Мне неловко об этом говорить... Но в начале наших отношений он спросил меня о том, как я смотрю на секс. Нравятся ли мне более жесткие формы. И я ответила, что меня несколько не интересует подобное.

Аманда выглядела довольно смущенной. Кнутас почувствовал, как и сам покраснел. Он не привык к разговорам подобного рода. Но данная тема представляла крайне большой инте-

рес, поскольку Хенрик Дальман, вероятно, стал жертвой сексуального убийства и явно имел секреты от жены, когда дело касалось его сексуальной жизни.

На какое-то время в комнате воцарила тишина. Потом Кнутас продолжил:

– Тебе на ум не приходит больше ничего, связанного с ним или его сексуальной активностью?

– Однажды я заметила, как он смотрел в Интернете страницу клуба любителей жесткого секса или чего-то подобного. Когда я спросила, чем он занимается, Хенрик сослался на простое любопытство. – Последние слова Аманда Дальман произнесла еле слышно, а затем слезы снова ручьями полились из ее глаз. – Я верила. Считала, что его вполне устраивало происходившее между нами.

Кнутасу стало ужасно ее жаль. Он закончил допрос и выключил магнитофон.

В комнате опять воцарилась тишина.

Кнутас пребывал в отвратительном настроении, когда вернулся в свой служебный кабинет после допроса Аманды Дальман. Ему было жалко вдову. Если, конечно, она сама не являлась преступницей. Этого тоже не следовало исключать. Она могла успеть добраться до Льюгарна на втором автомобиле семейства после того, как дети заснули, лишит жизни собственного мужа и вернуться. Но Аманда Дальман, похоже, не лгала, и, кроме того, исследование компьютера и айпада покойного подтвердило ее слова. Хенрик Дальман часто посещал сайты, касавшиеся жесткого секса. Поэтому прямо напрашивался вывод, что он познакомился со своим убийцей через какую-то страницу в Сети.

«На таких форумах, наверное, кого только нет», – подумал Кнутас.

Он как раз собирался набить трубку, когда зазвонил телефон. Это была судмедэксперт Май-Бритт Ингдаль из отделения судебной медицины больницы Сольны, куда переправили тело. Кнутас неоднократно общался с ней по работе и ранее.

– Привет. Я решила сообщить тебе предварительные данные по телефону, обычное письменное заключение ты получишь позднее. С результатами вскрытия придется подождать до утра четверга.

– О'кей, спасибо. Я благодарен за любую информацию, какую смогу получить.

– Главное тебе уже известно, но появились кое-какие интересные обстоятельства.

Кнутас напрягся:

– Ага, и что именно?

– Если начать сначала, то причина смерти – повешение или удушение, кому как нравится. Петля на шее затянулась, из-за чего он потерял сознание. Позаботился ли он сам об этом, трудно судить до вскрытия.

– Ты имеешь в виду, Хенрик Дальман мог вызвать собственную смерть? – воскликнул Кнутас удивленно.

– Такую возможность нельзя исключать.

– Но как это могло произойти?

– Есть такое понятие «аутоэротическая смерть». Жертва играет сама с собой в сексуальную игру и заходит в ней так далеко, что погибает, – объяснила Май-Бритт. – Даже если ничего подобного не планировалось. Речь, следовательно, идет о несчастном случае в чистом виде. Человек закрепляет петлю на шее, а потом протягивает веревку к ногам и стягивает ею лодыжки. Когда он затем выпрямляет колени, петля на шее затягивается.

У Кнутаса глаза раскрылись от удивления. Это выходило за пределы его понимания. Он никогда не сталкивался ни с чем подобным за свои тридцать лет в полиции.

– И почему, черт побери, кому-то приходит в голову издеваться над собой таким образом?

– При уменьшении снабжения организма кислородом организм, очевидно, усиливается. Говорят, если оно минимально, то эмоции переключаются через край. Сама я, однако, не пробовала, – добавила она сухо.

– Ничего себе, – пропыхтел Кнутас.

– Но если перегнуть палку, есть опасность потерять сознание, и тогда тело продолжает давить и человек погибает. Это не столь часто, но случается, – подвела итог судмедэксперт.

– По-твоему, в данном случае все так и произошло?

– Нельзя исключать, но будем надеяться, что вскрытие даст точный ответ. Кое-какие детали свидетельствуют против данного варианта развития событий, и одна из них – отсутствие подкладки на петле.

– То есть?

– Любители подобных развлечений обычно обматывают петлю полотенцем или чем-то подобным, чтобы не оставалось на шее отметины, которая могла бы рассказать посторонним об их хобби. Это не было сделано в нашем случае.

– А следы от ударов хлыстом?

– То, что имел место садизм, говорит в пользу убийства, так же как и применение петли.

– Но он мог исполосовать себя сам?

– Трудно сказать. Ясно только, что все удары прижизненного происхождения. У него с десяток отметин длиной от десяти до двадцати пяти сантиметров. Они красные, кожа треснула, и некоторые кровоточили, а, значит, кровообращение продолжалось, когда они наносились. Если бы его хлестали после смерти, раны резче выделялись бы на фоне здоровой ткани. И в глубине были бы бледными, однородного характера и окраски на всем протяжении.

– Спасибо, этого достаточно, – сказал Кнутас, испытав легкий приступ тошноты. Существовали какие-то пределы даже для него. – Что еще? – продолжил он.

– Ну, я обнаружила у него повреждения в анусе, достаточно поверхностные, но они продолжают внутри, поэтому, скорее всего, недавно имел место гомосексуальный половой акт. Если он не страдал запорами конечно.

– Следы спермы?

– Нет. – Май-Бритт сделала паузу. – Они, пожалуй, не успели зайти так далеко. Естественно, у него взяли пробы из всех отверстий на теле и кровь. Пройдет несколько дней, прежде чем мы получим результаты их химического исследования. Тогда также будем знать, принимал ли он наркотики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.